

СИДНИ ШЕЛДОН

Сорвать маску 2,
или Молчание вдовы

Тилли Бэгшоу

Тилли Бэгшоу

**Сидни Шелдон. Сорвать
маску-2, или Молчание вдовы**

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Coe)-44

Бэгшоу Т.

Сидни Шелдон. Сорвать маску-2, или Молчание вдовы /
Т. Бэгшоу — «Издательство АСТ», 2018

Известный психотерапевт становится объектом охоты таинственного убийцы – таков был сюжет легендарного триллера Сидни Шелдона «Сорвать маску», впервые опубликованного им в 1970 году и принесшего писателю международную славу. И теперь любимая ученица Шелдона Тилли Бэгшоу представляет собственную версию этого сюжета. Лос-Анджелес потрясает серия жестоких убийств. Единственное, что объединяет жертвы, – все они были знакомы с психотерапевтом Никки Робертс. И очень скоро Никки понимает: главной целью убийцы, приберегаемой «на десерт», обречена стать она... Хитрый преступник постоянно опережает полицию. Осознав, что защищаться придется самостоятельно, Никки обращается за помощью к частному детективу Дереку Уильямсу.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Coe)-44

© Бэгшоу Т., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	28
Глава 8	33
Глава 9	37
Глава 10	39
Глава 11	42
Глава 12	46
Глава 13	49
Глава 14	52
Глава 15	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Тилли Бэгшоу
Сидни Шелдон. Сорвать
маску-2, или Молчание вдовы

Tilly Bagshawe

SIDNEY SHELDON'S THE SILENT WIDOW

© Sheldon Family Limited Partnership, successor to the Rights and Interests of Sidney Sheldon,
2018

© Перевод. И. Никитенко, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

* * *

Посвящается Элис, с любовью

Пролог

– Нет. Умоляю, не надо! Я не выдержу...

При виде работающей дрели старик задергался в путах, глаза в ужасе расширились. Он представил, как стальное сверло вгрызается в плоть, дробит кости, словно шрапнель, пока его прибавляют к деревянной балке.

Они обещали распять его.

Но ведь им известно, что у него много денег! Он мог заплатить столько, сколько они попросят! И даже больше! Разве покойник может выписать чек?

Как давно его пытали на этом проклятом складе? Несколько дней? Или всего несколько часов? Старик то приходил в сознание, то снова ускользал в блаженное неведение, и время переставало иметь смысл. От ожогов и побоев его старое тело превратилось в сплошное кровавое месиво. Сломанные ребра, заплывшие веки, распухшие губы, рваные раны в паху... Пока беднягу столь изощренно мучили, стоявшая неподалеку молодая женщина с деловым видом снимала пытки на телефон. Ненавистная сука! Старик желал ей смерти даже больше, чем своим палачам.

Когда в ход пошли самые жестокие орудия, казалось, пытки достигли высшей точки. Дрель явно венчала финал кошмарной пьесы, за которой, давая короткие указания, неотрывно следил безумный режиссер.

Мужчина с карими глазами.

Дьявол во плоти.

– Умоляю! – Стоны старика перешли в тихое подвывание.

Дрель взвыла на полную мощность. Здоровенные бугаи, передавая ее по кругу, подходили к нему и, хохоча, тыкали в лицо.

– Я сделаю все, что вы хотите! Не надо, о господи, не надо! – всхлипывала жертва, пытаясь отвернуться от вращающегося сверла. Из брюк потекла коричневая вонючая жижа – не выдержал кишечник.

Кареглазый мужчина улыбнулся и, приложив ладонь к уху, язвительно бросил:

– Что ты там говоришь? Прости, дружище, ничего не слышу из-за звука дрели.

Он посмотрел на своих подручных, возбужденных, словно акулы, почуявшие кровь, и кивнул. Те бросились на старика. Все закончилось меньше чем за минуту. Финал, занавес.

Босс тоже чувствовал приятное волнение: азарт сообщников и съемка, которая велась по его указанию, заводили. Конечно, убийства женщин волновали его больше, но даже пытки слабого старика были приятным развлечением. Забирать чужую жизнь... высшая точка наслаждения, апогей власти.

Еще недавно жалкая куча тряпья, прибитая к деревянной балке, была сильным и могущественным человеком. Более могущественным, чем кареглазый дьявол. И что с ним стало? Всего лишь кусок мяса, залитый собственными кровью и дерьмом.

– Нам снять его, босс? – спросил один из бугаев.

– Нет. – Кареглазый подошел к убитому старику, вытащил из его нагрудного кармана бумажник с чековой книжкой и банковскими картами и с презрением затолкал труп в рот.

Старый идиот так ни черта и не понял.

Дело было вовсе не в деньгах...

Часть первая

Глава 1

Доктор Никки Робертс

Брентвуд, Лос-Анджелес

12 мая

В мае в городе ангелов не бывает дождей, так что сегодняшняя морось, падающая Никки на голые плечи, удивляла. Возможно, это было последнее событие в мире, способное ее удивить. С недавних пор доктор Робертс терпеть не могла любые неожиданности, однако с майским дождем как-нибудь смирилась бы.

Сад выглядел зеленым и очень красивым. Никки стояла под магнолией, которую Дуглас посадил ранней весной, как раз за месяц до несчастного случая. Несчастный случай... Ничего случайного в той аварии не было. Ни стечение обстоятельств, ни Божье Провидение не виноваты в том, что Дуглас на шоссе 405 разбил вдребезги любимую «теслу» и сгорел в ней заживо.

Конечно, поначалу Никки ничего не подозревала.

Девятимиллиметровый «люгер» в ее руке казался маленьким и безобидным, словно игрушка. Впрочем, тот, кто его продал, уверял, что это любимая игрушка женщин. Как будто речь шла о шелковом шарфике или жемчужных серьгах.

Никки и раньше пыталась покончить с собой. После смерти мужа наглоталась валиума, но ей не повезло: домработница Рита нашла ее в отключке и вызвала неотложку.

В этот раз все будет иначе. Любимая игрушка женщин не подведет.

Смерть никогда не страшила доктора Робертс. Работая психотерапевтом, она часто встречалась с теми, кто панически боялся умереть, испытывая страх перед неизвестностью, но только не она. По ее мнению, лишиться себя жизни означало обрести над ней контроль, достигнуть апогея власти, постичь сущее во всей его полноте. Никки сможет покинуть этот мир на своих условиях. Не всякому выпадает подобный шанс.

Слишком много людей погибло по ее вине. И вот сегодня еще один хороший, добрый человек расстался с жизнью. Человек, который заботился о Никки и был ей дорог.

Так не должно продолжаться. С этим пора кончать.

Дождь усиливался. Она вытерла ладонь о джинсы, чтобы пистолет не скользил во влажных пальцах. На этот раз никаких осечек.

Приставила дуло к виску. Бросила взгляд на сад, который они с Дугласом так любовно растили. На белую табличку с их именами. На красивый особняк с террасой и балконом, с которого можно полюбоваться океаном. Дом их мечты. Задуманный в те дни, когда Никки и Дуглас еще были способны мечтать. Дом, ставший пристанищем призраков.

Закрыв глаза, она видела их лица, одно за другим. Калейдоскоп лиц!

Любимые Дуглас и Анна.

Лу. Никки даже не знала, был ли у них шанс.

Те, кого она подвела: Лиза, Трей, Дерек. Жаль. О, как ей было жаль!..

Последними мелькают лица тех, кого она ненавидела.

«Горите в аду! Проклинаю вас, проклинаю!»

Слезы покатались по щекам. Зря Никки начала плакать. Это не поможет.

Слезы ничего не исправят.

Глава 2

Шарлотта

Десять лет назад

Шарлотта Клэнси была охвачена волнением. Горячий летний ветер ласкал кожу, щеки рдели. Сексуальное возбуждение, счастье, трепет от мысли, что вот-вот будет сорван запретный плод... Ей было страшно и весело одновременно.

Она никогда не отличалась особой дерзостью. Отличница в школе, в восемнадцать без проблем поступила в колледж в Огайо, никогда не пропускала занятий. Самый вызывающий поступок в жизни? Дала подружке списать курсовик по социологии, посвященный древним цивилизациям Мексики. Шарлотта обожала Мексику – историю, язык, еду, традиции. Она буквально умоляла родителей отпустить ее на лето поработать няней в семью из Мехико-Сити.

– Не знаю, Шарли, – недоверчиво протянул тогда отец. Такер Клэнси работал пожарным и выступал в местной епископальной церкви с проповедями. Это объясняло его консервативный нрав и твердые моральные принципы. – Ты же читаешь новости. В Мексике сейчас неспокойно, там даже похищают людей. А эта наркоторговля и прочие ужасные вещи!

– Ты прав, папа, но это не касается Мехико-Сити, – возразила Шарлотта. – Подобное происходит в отдаленных районах Мексики. Да, некоторые южные страны опасны. Но я же еду не в Сальвадор или Колумбию. И потом, я буду работать по официальной программе американской организации с представительством в Мексике. У них идеальная репутация. За двенадцать лет работы ни одного неприятного случая с участниками программы.

Такер Клэнси с гордостью слушал аргументы дочери. Ему нравилось, что она способна отстаивать свою позицию. Дочь никогда не бросала дела на полпути: если ставила цель, то неотступно добивалась ее достижения. Кроме того, Шарлотта была способна убедить других в своей правоте.

В конце концов, окончательное решение приняла мать Шарли, Мэри.

– Я тоже переживаю, милый, – резюмировала она, выслушав обе стороны за ужином в местном ресторанчике «Взболтать, но не смешивать». – Но наши страхи не должны мешать дочери быть самостоятельной. Она уже взрослая, поступила в колледж и живет отдельно. Шарлотта должна принимать собственные решения, а не следовать нашим.

– Да, но в Огайо не отрезают головы и не похищают людей, чтобы продать на органы. Мэри нахмурилась.

– Шарли утверждает, что и в Мехико не происходит ничего подобного. К тому же сотрудник агентства подобрал для нее прекрасную семью: родители работают в суде, богатое поместье... Брось, Такер! Пусть девочка повеселится...

Мистер Клэнси уступил жене, и вот уже два месяца Шарлотта жила в Мехико-Сити. И как прекрасно жила! Сколько нового узнала о жизни! Она попробовала первый косячок, впервые в жизни напилась и изменила своему парню Тоду (сама не могла поверить наутро!), а потом без памяти влюбилась в женатого мужчину.

Нет, не в главу семейства Энчеррито, у которого работала. Это было бы слишком банально. К тому же Шарлотте нравилась сеньора Энчеррито, и она ни за что не совершила бы такого гадкого поступка. Впрочем, в любом случае Шарлотта поступала аморально: она грешила, и грешила ужасно. Шарлотта выросла в набожной семье, и связь с женатым мужчиной расценивала как непростительный грех, но даже высокие моральные принципы не могли ее остановить. По сути, ей было плевать. Да, она испытывала угрызения совести, но это абсолютно ничего не меняло, поскольку речь шла о *нем*. Стоило ему появиться, заговорить с ней – да даже просто посмотреть! – и все принципы летели в тартарары. Страхи, сожаления, ценности превращались в пустой звук. Ерунда все это! Когда он обнимал Шарлотту и укладывал

в постель, когда занимался с ней любовью, весь мир вокруг замирал. Господь милосердный, до какого экстаза она доходила от одних поцелуев любимого мужчины! Как оказалось, Шарлотта ничего не знала о сексе, хотя каждый день занималась сексом с Тодом. Но даже в самых смелых фантазиях не могла представить, что мужчина и женщина могут так наслаждаться близостью. И пусть она не попадет в рай, что с того? Шарлотта уносилась в рай каждый раз, когда руки любимого касались ее!

Она тихо хихикнула. Ей хотелось танцевать и выкрикивать его имя.

Но нет! Шарлотта не могла рассказывать о своем романе ни единой живой душе!

– Мы должны хранить все в тайне, кара¹, – говорил он всякий раз, прижимая ее к себе. – Никто не должен знать о нас, понимаешь?

Конечно, она понимала: ведь он женат, старше ее, к тому же очень важная персона, – но некоторые вещи казались ей странными и непонятными. Например, он мог исчезнуть посреди ночи ради важной деловой встречи или явиться с черным дипломатом, забитым плотными пачками долларов. Однажды Шарлотта видела, как такая пачка перекочевала в руки местного шефа полиции в номере дешевого отеля.

– Все, что связано с тобой, останется тайной, – с жаром шептала Шарлотта на ухо любимому. – Но мне важно знать о тебе все. Я жажду быть частью твоей жизни. Ведь я так люблю тебя!

На это он всегда улыбался и принимался целовать ее, уверяя, что тоже любит и находит такие признания очаровательными, однако никогда не откровенничал.

– Это для твоей же безопасности, – говорил он.

И эта загадочность лишь подбрасывала дров в огонь ее страсти.

Иными словами, Шарлотта жила на полную катушку. А сегодняшний вечер обещал стать особенным.

Заглянув в карту, оставленную возлюбленным – как романтично! – Шарлотта вышла из машины и зашагала по булыжной мостовой в направлении набережной.

Прошлой ночью, взяв «ниссан» четы Энчerrито, она рискнула проследить за любимым мужчиной. Задача оказалась не из легких, особенно когда они выехали за город: фонарей совсем не осталось, а зажигать фары Шарлотта не решалась, боясь выдать себя. Она начала нервничать, гадая, как найдет дорогу назад, если потеряет любимого из виду, но в этот момент его пикап съехал с дороги на большую поляну, уставленную полукруглыми тентами, напоминающими большие бежевые грибы. Под тентами угадывались столы, за которыми сидели мужчины и что-то делали в свете старомодных настольных ламп, работавших, очевидно, от генератора. Возлюбленный выскочил из пикапа и принялся ходить между столами, проверяя работу мужчин. Щурясь, Шарлотта вглядывалась в даль, пытаясь разобрать, что происходит. Не выдержав, она вышла из машины и торопливо зашагала к тентам, но двое вооруженных мужчин преградили ей путь.

– Не стреляйте! – крикнула она так громко, что ее должны были услышать за каждым столом.

Любимый резко обернулся, на лице промелькнули изумление и гнев, но почти сразу оно смягчилось.

– Кара! – рассмеялся он и заспешил к ней. – Ты следила за мной?

– Я... я просто хотела понять... – бормотала Шарлотта, тая от тепла его ладоней. Однако от ее внимания не ускользнуло, что крепкие парни так и не опустили оружие. – Ты же ничего мне не рассказываешь.

Возлюбленный махнул рукой, и вооруженные люди расступились.

¹ От *итал. cara* – дорогая.

– Даже не подозревал, что ты такая авантюристка. – Он с улыбкой потрепал ее по волосам, и она зарделась. – А ты смелая! Я тебя недооценил.

Шарлотта выдохнула от облегчения и удовольствия. Любимый не держал зла и был рад ее видеть! Она поступила верно, пойдя на риск: доказала, что не простушка и не трусиха, доказала, что они достойная пара.

– Идем, – потянул он ее за руку. – Раз уж ты здесь, устрой тебе экскурсию.

Так Шарлотта узнала о его тайной империи.

Кокаин.

Само слово вызывало трепет. Прежде Шарлотта видела волшебный порошок только по телевизору, а теперь стояла в центре кокаиновой фабрики, наблюдая за производством. Это было так захватывающе! Любимый рассказывал о порошке с любовью, и Шарлотта слушала с восторгом, боясь перевести дух. Она вела себя так, словно во всем происходящем не было ничего необычного.

– Должно быть, ты потрясена, – спросил он после долгой экскурсии. – Ты все еще желаешь быть со мной? Ведь я преступник. – Последнее слово было произнесено с большой гордостью.

– Я хочу быть рядом всегда, – прошептала Шарлотта, не отрывая восхищенного взгляда от любимого лица.

Они вернулись к его машине и занялись сексом так страстно, как никогда прежде. Затем он проводил Шарлотту до знакомой трассы.

Обратно она ехала с зажженными фарами.

Целую неделю от возлюбленного не было ни слуху ни духу. Шарлотта была сама не своя, предполагая худшее: или он решил ее бросить, или с ним что-то случилось, – однако этим утром получила эсэмэс: «Кара, я скучал по тебе. Встречаемся в семь вечера. У меня для тебя сюрприз». Затем пришла ссылка на фрагмент карты. Место встречи на ней было указано точкой.

Сердце Шарлотты взволнованно затрепетало. Прежде любимый не выражал свои чувства так открыто! Это было совсем не в его стиле. Впрочем, как и карты с метками. Похоже, вынужденная откровенность открыла новую страницу их прекрасной истории. Теперь любимый воспринимал ее как равную.

Шарлотта светилась от счастья. В животе порхали бабочки. Да, это была любовь.

Указанное на карте место выглядело глухим и безлюдным. Быть может, планировался пикник? Шарлотта представила пестрое покрывало на траве, пару хрустальных бокалов, холодное вино и бутерброды. Это было вполне в духе любимого: скромно и одновременно с шиком. Ее мужчина был необычным во всем, особенным, ни на кого не похожим. Шарлотта считала, что отныне ее жизнь неразрывно связана с ним, и никакая жена, никакая разница в возрасте, никакой опасный род занятий не в силах это изменить. Какой именно будет эта жизнь, она не представляла. И что скажут родители? Но Шарлотта не боялась. Она же смелая! Вот и любимый прежде ее недооценивал, однако теперь все будет по-другому.

Она может стать кем пожелает.

Единственная подруга Фредерика Зидан, тоже приехавшая в Мексику поработать на лето, не понимала, что движет Шарлоттой. Фредерика была в курсе, что у Шарли роман со взрослым женатым мужчиной, но деталей не знала.

– Не ходи туда! – умоляла Фредерика, увидев отмеченное на карте место. – В этом районе и в дневное время небезопасно, а уж на ночь глядя и подавно. Об этом все знают. И твой мужчина тоже должен знать!

– Да перестань ты трястись как осиновый лист, – хихикала Шарлотта. – Все будет отлично.

Но Фредерике было не до смеха.

– Это бандитский район, серьезно! Грабежи, похищения, убийства... Говорят, там пропадают люди.

– Я-то не пропаду, – отмахнулась Шарлотта.

– Откуда такая слепая уверенность?

– Я же буду не одна, забыла? Со мной будет мой любимый. Он защитит меня от любых неприятностей.

Это был последний разговор Шарлотты Клэнси и Фредерики Зидан.

Глава 3

Лиза

Наши дни

– Ну, Лиза, как прошла неделя?

Доктор Никки Робертс откинулась в своем потертом кожаном кресле и тепло улыбнулась пациентке.

Лиза Флэннаган. Двадцать восемь лет, бывшая модель, содержанка Уильяма Бадена, семидесятилетнего миллионера и владельца лучшей футбольной команды «Лос-Анджелес Рэмс». Восстановление после зависимости, викадин. Склонность к нарциссизму.

– В целом неплохо, – пропела Лиза и в молитвенном жесте сложила ладони, выражая благодарность врачу. – Я ухожу от Уилла, и делаю это осознанно. Мне кажется, я двигаюсь в правильном направлении, к свету.

– Это хорошо. – Никки кивнула, предлагая пациентке продолжать.

В стекло барабанил дождь. К счастью, это был последний сеанс на сегодня. Никки хотелось оказаться дома, забраться под одеяло и подремать под шум дождя.

– Да, хорошо! – подхватила Лиза. – Ваш совет на прошлом сеансе очень помог мне. Прекрасный совет!

Лиза всегда так выражалась: сплошь восклицания и избитые фразочки. Она походила на подростка, который, залпом прочитав книгу по саморазвитию, теперь считал себя гуру и кладезем великих знаний. Конечно, судить пациентов – это непрофессионально, и как практикующий психотерапевт Никки не оценивала пациентов, но как обычный человек... О, оценивала, и еще как!

Лиза Флэннаган была эгоисткой и трутнем. Разрушительницей семьи. Убийцей невинного ребенка. Шлюхой.

Пока Лиза, развалившись на удобной кушетке, изливала душу, Никки думала о том, какое это облегчение, когда можешь говорить о своих переживаниях, зная, что тебя слушают.

– Я съехала из апартаментов Уилла, – гордо заявила мисс Флэннаган. – Я решилась. Я смогла. И знаете что? Уилл был в шоке! Он так взбесился! Я думала, он меня убьет. Кричал, швырялся вещами...

– Он угрожал? – спросила Никки.

– О да! Еще как угрожал. Вopil: «Ты не можешь так со мной обойтись, ты принадлежишь мне, я тебя уничтожу!» Утверждал, что без него я ничто. В общем, говорил мерзости. Но знаете, я держала себя в руках и говорила с ним очень спокойно. «Малыш, ты не понимаешь, но я хочу пожить для себя, мне двадцать восемь лет, я хочу покоя, я уже не девочка на побегушках».

Лиза всегда с нетерпением ждала встреч с Никки Робертс. Она успела рассказать психотерапевту все. О том, как сидела на викадине. О том, что в ее жизни были лишь эти маленькие таблетки да здоровенный игрок из команды Уилла, который иногда забегал потрахаться в квартиру, купленную престарелым любовником. Поначалу Лиза не понимала, что Уилл контролирует каждый ее шаг, лишает свободы выбора. Спасибо психотерапевту, у нее открылись глаза.

Более того, благодаря Никки Робертс Лиза осознала, что может быть самостоятельной и контролировать свою жизнь. Она поборола зависимость от викадина, и пусть Уилл тоже предлагал ей лечь в клинику, решение она приняла сама.

«Я хороший человек, – думала Лиза. – И если мне удалось бросить викадин, я смогу бросить и Уилла».

Конечно, квартиру она оставит себе. Вернее, не оставит, а продаст. Ведь ей понадобятся деньги. Колье с сапфирами и бриллиантами – подарок Уилла на двадцатичетырехлетие – тоже следует продать. Лиза Флэннаган не собиралась вступать в новую жизнь с пустыми руками.

В конце концов она потратила на этот роман восемь лет, и ей требовалась компенсация. К тому же Уилл не нуждался в деньгах, квартира и шмотки любовницы его точно не разорят. Лиза была послушной сожительницей и в нужный момент избавилась от нежелательной беременности. Будь у нее сейчас ребенок от Уилла, она могла бы получить гораздо больше: пожизненное содержание например, – а так они просто тихо-мирно расстанутся...

Лиза болтала, потягивая огуречную воду, и время от времени бросала взгляды на женщину, сидевшую в кресле напротив.

Доктор Никки Робертс...

Какую жизнь она вела за пределами этого уютного кабинета?

Из Интернета Лиза знала, что доктор Николя Робертс, урожденная Хаммон, тридцати восьми лет, окончила Колумбийский университет по специальности «Психология отношений», затем повышала квалификацию в Калифорнийском университете и проходила стажировку в Медицинском центре имени Рональда Рейгана, однако ни на одном из сайтов не нашла информацию о том, где и как психотерапевт встретила своего мужа, доктора Дугласа Робертса, нейрохирурга, специалиста по расстройствам мозга, а спросить напрямую не решалась.

Муж Никки Робертс погиб в аварии год назад. Об этом писали во всех газетах. Нейрохирург был известен в высших кругах, занимался благотворительностью, спонсировал реабилитационный центр для людей с зависимостью любого социального статуса и финансового положения.

Было что-то ужасное в том, что успешная красивая женщина, сидевшая напротив Лизы и время от времени поправлявшая волну каштановых волос, с такой прекрасной фигурой и умными зелеными глазами, – несчастная вдова, скрывающая за маской спокойствия тоску по погибшему мужу.

«Бедняжка, – думала Лиза. – Надеюсь, ей есть с кем разделить свое горе. Она заслуживает счастья».

– Боюсь, время вышло.

Мягкий, обволакивающий голос психотерапевта вывел Лизу из раздумий, и она взглянула на часы.

– Боже, вы правы. В вашем кабинете время летит незаметно. С ума сойти! Вжик – и сеанс окончен. Вам так не кажется, доктор Робертс?

Никки дипломатично улыбнулась.

– Да, порой кажется.

Лиза Флэннаган поднялась с кушетки.

– У вас есть плащ или зонт? На улице моросит.

– Правда? – Лиза даже не заметила, что по окнам стекают капли.

На ней была короткая джинсовая юбочка с кружевной оборкой, едва прикрывавшая ягодицы, и маленький белый топ с блестящими буквами «Тебе нужна лишь любовь», натянутый на груди так, словно Лиза купила его в детском отделе.

– Вы продрогнете в таком наряде, – покачала головой Никки и достала из узкого шкафа бежевый дождевик. – Вот, возьмите мой плащ. У меня машина на подземной парковке, я не успею промокнуть. Вернете на следующем сеансе.

– Ну, только если вы настаиваете. – Лиза улыбнулась и с чувством пожала психотерапевту руку. – Вы так добры, доктор Робертс. Правда, очень добры.

Мисс Флэннаган искренне восхищалась ею. Подобные благородные жесты отличали Никки Робертс от всех прочих. Она не просто работала с людьми и получала за это деньги, а заботилась о своих пациентах.

Заботилась о Лизе.

На улице было сыро и темно. Аллея, ведущая от бизнес-центра «Сенчури плаза», терялась в серой дымке дождя. Каждая мышца его тела гудела. Кожа, казалось, горела, горло пылало, словно в пищеводе разлилась кислота. Капли дождя касались кожи словно крошечные иглы. Он страдал, страдал невероятно.

Но блаженство было уже близко. Боль, нескончаемая боль пройдет, уступив место сладостному экстазу. Когда он покончит с этим делом, его ждет награда. Осталось совсем немного.

Дороги были запружены машинами, но в переулках было безлюдно. В дождливые дни жители Лос-Анджелеса предпочитали ездить за рулем либо не выходить на улицу.

Но только не она.

Не она.

«Выходи! Выходи быстрее! Я не могу больше ждать!»

Да. Вот и она.

Как-то слишком рано. Раньше, чем обычно. Он ждал ее через полчаса и оказался не готов. Сердце забилося чаще.

Кутаясь в плащ и низко опустив голову, она торопливо шла против ветра. Даже зонта нет, идиотка!

– Помогите! – крикнул он, однако голос прозвучал тихо и жалобно. Она могла и вовсе его не услышать. – Помогите мне!

Лиза Флэннаган обернулась и увидела парня, почти подростка, судя по субтильному силуэту, скрючившемся возле скамейки в дальнем конце аллеи.

– Прошу, – взмолился он. – Вызовите «девять-один-один»! Меня избили.

– Вот ужас! – Лиза выхватила из кармана телефон и, набирая заветные цифры, бросилась к парню. – Что с вами произошло?

Парень лежал на боку и держался за живот. Его трясло. Серая толстовка, слишком большая для худого тела, промокла насквозь. Лицо скрывали капюшон и слипшиеся волосы.

– Служба спасения. С кем вас соединить? – раздался голос в трубке.

– Полицию, пожалуйста! – крикнула Лиза. – И неотложку. – Она присела на корточки и осторожно убрала мокрые волосы со лба парня. – Держись, помощь близко. Где болит?

Он повернул голову и внезапно ухмыльнулся. Волна ужаса прошла по телу Лизы. Казалось, у парня нет лица. Оно было сплошь покрыто струпьями, местами кожа свисала с костей будто кожура банана. Это было так отвратительно, что ее едва не вывернуло наизнанку.

– Где вы находитесь, мэм? – говорили в трубке.

Видя ужас в глазах Лизы и продолжая ухмыляться, он со всей силы воткнул в нее нож и провернул. Раздавшийся крик был наградой за его страдания. Он снова воткнул нож, ставший мокрым и скользким.

– Мэм, вы слышите меня? Что происходит, мэм? Вы можете сказать, где находитесь?

Доктор Никки Робертс пристегнулась и, откинувшись на спинку кожаного сиденья своего «мерседеса», принялась ждать, пока откроются ворота парковки.

Судя по загруженности дорог, до дома в Брентвуде было всего минут двадцать езды. Ее ждал очередной долгий и одинокий вечер, который она заполнит болтовней телика и отличным мерло, а затем уснет в своей большой холодной постели.

Никки ощущала чувство вины. Во время последнего сеанса с Лизой она витала в своих мыслях и не смогла выложиться на полную. Это было неправильно. И совершенно неважно, испытывала она симпатию к пациентке или нет.

Наконец ворота медленно отъехали в сторону, выпуская «мерседес» Никки наружу.

Лиза слышала скрежет металла – открывались ворота подземного гаража! Затем раздался звук мотора. Кровь из порезанного живота выплескивалась толчками, словно томатный

сок из опрокинутой коробки. Она не могла встать, не могла даже ползти. Страшный человек раз за разом тыкал в нее ножом, попадая то в руки, то в грудь. И каждый раз она звала на помощь, надеясь, что ее услышат. Кошмарное чудовище не пыталось убить, а издевалось, кромсая плоть. Оно издевалось, мучило и пыталось, испытывая наслаждение от того, что причиняет боль, превращает прекрасное тело в кровавое месиво.

Звук мотора приблизился. «Должно быть, это доктор Робертс, – затеплилась у Лизы надежда. – Господи, пусть она заметит! Пусть она заметит!»

В свой крик Лиза вложила все оставшиеся силы. Никогда она не кричала так громко и так отчаянно. Кровь булькала в горле, но Лиза кричала до тех пор, пока не захлебнулась горячей соленой жидкостью. Она видела над собой бледные пятна фонарей и лицо чудовища, заслонившее их.

Скрежет ворот прекратился. Мотор стих. Лиза всхлипнула.

«Меня слышали!»

Страшный человек отпрянул от нее, лезвие ножа проскребло по тротуару. Он был готов бежать. Лиза почувствовала, как пелена застилает глаза, и часто заморгала, боясь потерять сознание.

Секунды тянулись бесконечно долго, и оба участника страшного спектакля ждали, выйдет ли кто-нибудь из автомобиля.

Мотор снова завелся.

«Нет! Только не бросай меня! Не уезжай!» – взмолилась Лиза.

Свет фар пробежался по кустарнику, скользнул по аллее и равнодушно ушел в сторону. «Мерседес» медленно уезжал.

Отвратительное лицо вновь склонилось над Лизой, рука сжала скользкое от крови и дождя горло. Лезвие прижалось к щеке.

– Итак, на чем мы остановились?

Последнее, что слышала Лиза в своей жизни, был долгий, счастливый смех ее убийцы.

Глава 4

Картер

Картер Беркли разглядывал свои безупречно обработанные ногти, которые нестерпимо хотелось начать грызть. Какого дьявола он здесь делает? Он должен говорить с полицией, а не с чертовым психотерапевтом.

Впрочем, напомнил он себе, полиция не поможет, потому что не верит ему. Никто не верит.

Картер подумал о двух телохранителях, которые ждали внизу, и постарался расслабиться. Не помогло. Тогда он попытался представить психотерапевта голой. Стало немного легче. Доктор Никки Робертс была весьма интересной особой. Картер представил, как задирает прямую узкую юбку из серой ткани повыше, обнажая крепкие бедра, рывком распахивает белую блузку... Да, пожалуй, зрелище будет еще то!

– Картер? О чем вы задумались?

Голос доктора заставил его смутиться и даже закашляться. Успешный банкир, богатый, привлекательный, Картер не привык смущаться. Он привык, чтобы ему потакали, его слушались, ожидали от него указаний. Особенно женщины. А сейчас чувствовал себя, словно нашкодивший мальчишка.

– Мм...

– Расскажите еще раз о том, что вы, по вашему мнению, вчера видели, – предложила психотерапевт.

– По какому еще моему мнению? Я видел то, что видел, – фыркнул Картер. – Не надо за меня додумывать, я не псих. Я точно знаю, что мне не показалось. – Он взъерошил свои густые светлые волосы.

– Разве я назвала вас психом? – мягко спросила Никки. – Но даже совершенно здоровые люди иногда попадают под власть разыгравшегося воображения. Со мной такое бывало.

– Правда? А вот я не такой, – раздраженно ответил Картер.

Боже правый! Вот придут здоровенные парни, свяжут его, отвезут в какой-нибудь подвал и забьют до смерти. Тогда все поймут, что ни черта ему не казалось, а будет поздно!

Никки чуть подалась вперед, в очередной раз слушая теорию заговора, которую излагал пациент. Он был настоящим параноиком и целый год на каждый сеанс приходил в чрезвычайном нервном напряжении, которое никак его не отпускало. Картер Беркли свято верил, что за ним охотятся наемники, хотя ни разу не привел убедительных доказательств этого, да и внятных причин не назвал. Никки испробовала множество методик, чтобы вывести его из постоянного стресса, однако страхи Картера только крепли. Да, они усиливались с каждым днем. На прошлой неделе он поделился с ней, что Трей Реймондс, ее офис-менеджер, точно «мексиканский шпион из картеля».

– Как вы можете доверять ему, доктор Робертс? – возмутился Картер. – Что вы знаете об этом мальчишке?

– Выходит, о нем что-то знаете вы, Картер? – уточнила Никки.

– О, я знаю! Я точно знаю, – заявил банкир и многозначительно поднял брови, но не выложил ни одного факта.

«Мои сеансы бесполезны, – с досадой думала Никки. – Возможно, я лишь усугубляю ситуацию. Зачем он ко мне ходит? И почему я вообще работаю психотерапевтом, если вижу столь жалкие результаты своего труда?»

Доктор Робертс знала ответ.

День за днем она ходила в офис и принимала пациентов, потому что, кроме них, в ее жизни ничего не было. Дом без Дугласа казался пустым, ответа на вопрос: что же на самом деле произошло? – она так и не нашла. Ее жизнь была пуста и невыносима.

Невыносима...

Никки вздохнула.

Прошел год, а казалось, целая жизнь.

Дуглас, улыбавшийся ей, когда они сидели в ресторане «У Луиджи». Дуглас, с наслаждением поглощавший спагетти с морепродуктами. Дуглас, рассказывавший невероятные истории, от которых захватывало дух... Им всегда было так хорошо вдвоем.

Невыносима...

– Люди часто произносят это слово, Никки, – рассуждал Дуглас. – Вот взять, к примеру, моих пациентов. Они все время говорят: «Это невыносимо, доктор!» Или: «Я не вынесу этого!» Можно подумать, у них есть выбор.

Никки и Дуглас Робертс были женаты семь лет, а до того еще столько же встречались. Однако и спустя годы наслаждались обществом друг друга и любили проводить время вместе. Они делились мыслями, рассказывали о том, как прошел день, и это всегда было весело. Каждый ланч с мужем означал приятную компанию, а не скорый перекус между приемом пациентов.

– Наверное, они говорят метафорически, – предположила Никки, наслаждаясь крабовым салатом. В ресторане «У Луиджи» всегда подавали изысканные блюда, но порции были как для слона. Дугласу не требовалось соблюдать диету, а вот Никки после тридцати пяти обнаружила, что от плотной пищи стремительно набирает вес. Ужасно было сознавать, что твой живот, округлившийся к концу четвертого десятка, вовсе не долгожданная беременность, а обычная жировая прослойка. – Я к тому, что они не склонны к патетике, им просто больно физически, и они говорят об этом вслух. Ломка для зависимых – чудовищная боль.

– Да, ты права, – соглашался Дуглас, уплетая пасту, накрученную на длинную вилку. – Но иногда это бесит. К концу дня все эти «невыносимо», «безумные страдания» или «бесконечные мучения» кажутся просто набором слов. В конце концов, вы согласились лечиться! Вы выбрали жизнь! Или лучше сдохнуть в подворотне со шприцом или бутылкой в руке? Вы выбрали жизнь, чего тогда ноете?

Постороннему человеку подобные рассуждения могли показаться слишком холодными и циничными, но надо было знать Дугласа, чтобы угадать скрывавшееся за словами сочувствие.

– Да будет обо мне, – внезапно заявил Дуглас и с нежностью посмотрел на жену. – Как прошло утро, милая? Ты сделала тест?

– Пока нет. – Она смущенно сверлила взглядом салат. – Сделаю вечером.

– Почему не сейчас?

– Потому. Если он окажется отрицательным, у меня будет дурное настроение, а это отразится на пациентах.

Дуглас перегнулся через стол и сжал ее руку.

– Но ведь может быть и положительным. И вероятность весьма велика.

– Да. – Никки выдавила улыбку. – Весьма.

Однако последние шесть попыток вышли неудачными. Прошло полгода, ее вялые яичники работали все слабей, а какие-то высшие силы всячески противились исполнению их главного с мужем желания – стать родителями.

Кроме детей, у них было все: прекрасный брак, полный нежности и понимания; положение в обществе; репутация; удачная карьера; чудесные друзья; родные, которые могли поддерживать и понять. В какой параллельной вселенной они заслужили детей? В той, где отсутствует все остальное?

– Я люблю тебя, Никки, – шепнул Дуглас.

- И я люблю тебя.
- Все получится. У нас полно времени.
- Да, все получится. Время еще есть.

– Доктор Робертс? – Картер Беркли обеспокоенно завопил на кушетке. – Вы меня вообще слушаете?

- Разумеется.

Никки повторила последнюю фразу Беркли, поскольку научилась фиксировать в мозгу все, что говорят ее пациенты, даже если в мыслях витала далеко. Слова Картера о странных людях, которые обслуживали его в ресторане, из уст доктора Робертс прозвучали глупо, зато Картер сразу расслабился. Этой уловке Никки научил покойный муж.

Господи, ну почему она постоянно думает о Дугласе?

– У нас почти вышло время, – сказала она. – Давайте закончим сеанс одним приятным упражнением. Опустите ноги на пол и сядьте прямо...

Когда Картер Беркли распрощался, Никки вышла в приемную.

Трей Реймондс, ее личный ассистент, офис-менеджер и настоящая правая рука, заполнял карточки пациентов. Когда-то на сеансы к Никки ходили двадцать человек, и для них едва удавалось найти время, но после смерти Дугласа новых клиентов почти не было, да и постоянные потихоньку уходили к другим психотерапевтам. Возможно, подсознательно они считали, что тоска доктора Робертс по мужу может оказаться заразной или скажется на ее способности сохранять трезвый взгляд на чужие проблемы. Быть может, так оно и было. По сути, у Никки осталось только четыре постоянных клиента – совсем отчаявшиеся, они просто не смогли бы уйти и довериться другому специалисту.

Картер Беркли, банкир-параноик, приходил четыре раза в месяц.

Лиза Флэннаган, глупенькая содержанка, посещала ее дважды в неделю.

Анна Бейтман, закомплексованная скрипачка, самая преданная клиентка, записывалась ежедневно. С точки зрения психоанализа слишком часто, однако Никки не могла отказать милой юной Анне. Возможно, это было непрофессионально, но девушка ей нравилась и вызывала почти дружеские чувства.

И наконец, Лана Грей – актриса, которая регулярно забывала оплачивать сеансы. Бедная потерянная Лана! Когда-то она играла в известном сериале роль второго плана, но эта постановка оказалось вершиной ее звездной карьерой. Лану давно никуда не приглашали, и на всех пробах она слышала отказ.

– Лана для вас неподходящий клиент, – вздыхал Трей. – Она почти без средств, ей нечем платить за сеансы. Это просто благотворительность.

– Неужели? – смеялась Никки. – Если я занимаюсь благотворительностью, то чем занимаешься ты?

– Я? – Трей тоже смеялся. – Да я просто президент благотворительного общества! Но вам от меня не избавиться. Я буду работать даже без зарплаты, вы же знаете.

Никки совсем не хотела избавляться от Трея. Без его помощи ей пришлось бы туго. И не потому, что было много бумажной работы. По сути, Трей Реймондс был последней ниточкой, связывавшей ее с прошлой жизнью и с покойным мужем. Это Дуглас нашел Трея на улице, избавил от зависимости и дал второй шанс в жизни. Дуглас частенько помогал наркоманам бесплатно: их было бесчисленное множество – тех, кого он спас и кому дал второй шанс, – но Трей был особенным пациентом. Пожалуй, Дуглас любил его как сына.

«Сына, которого я так и не смогла ему родить».

Трей одарил доктора Робертс долгим взглядом, продолжая что-то печатать на компьютере.

- Идете домой, док?

– Собираюсь. – Никки помолчала, пытаясь найти хотя бы одну причину, по которой могла задержаться. – Тебе нужна моя помощь?

– Нет. – Парнишка улыбнулся, сверкнув белыми зубами. На фоне черной кожи улыбка выглядела особенно ослепительной. – Я справлюсь.

– Точно?

– Выставляю пару счетов – и домой. Если надо будет что-то уточнить, я позвоню.

Оказавшись на улице, Никки поморщилась. Солнце палило с бледно-голубого калифорнийского неба, словно в жаркой африканской пустыне. Оно как будто мстило за вчерашний неожиданный дождь.

Прежде Никки любила дождь, но теперь он всегда напоминал ей о муже. Она представляла, как колеса его «теслы» скользят по грязи и гравию, пытаясь найти сцепление с размокшей обочиной; как отчаянно Дуглас крутит руль, пытаясь вернуть управление; как несутся на него размытые дождем встречные огни. Кричал ли он в последний момент?

Мгновение, оборвавшее идеальную семейную жизнь. Мгновение, за которым пришел настоящий мир, гадкий, жестокий. Никакой идиллии больше не существовало. Ее место заняла реальность, искаженная любовью. Никки осталась одна, розовые очки разбились, и уродливая правда жизни смотрела ей в глаза.

Ее жизнь превратилась в бесконечное самокопание, в череду вопросов «а что, если бы...». До смерти Дугласа Никки и не представляла, что можно так сильно любить человека, так безмерно скучать по нему и так ненавидеть. И вот теперь она жила, раздираемая этими эмоциями, не в силах оставить все в прошлом и жить дальше.

Работа отвлекала и успокаивала, но помогала не всегда. Порой Никки хотелось надавать своим бестолковым пациентам затрещин. Они и понятия не имели, что такое настоящее горе и настоящий ад!

Но это пройдет. Однажды пройдет.

Она не должна переносить свои эмоции на пациентов.

Прежде Никки была очень толерантной. Терпимой. Старалась не оценивать людей, не ставить на них штампы. Теперь все было иначе. Она осуждала их за глупость, за бездействие, за тупую паранойю. Горе изменило ее восприятие.

Лиза Флэннаган раздражала больше остальных. Все ее поступки и суждения были верхом идиотизма.

Впрочем, в отличие от Картера Беркли Лиза хотя бы пыталась над собой работать. Однако она была такой непроходимой дурой, такой бездарной ученицей, что даже ее попытки изменить свою жизнь выглядели дурацкими и приводили к дурацким последствиям.

Почему Лиза вызывала у доктора Робертс такое раздражение?

Может, виной тому вчерашнее приподнятое настроение пациентки? Или обычная зависть к человеку, неспособному долго страдать и мучиться сомнениями? Лиза смотрела в будущее с надеждой. У Никки Робертс надежд не осталось.

Накануне вечером она была так раздавлена после сеанса, что едва доехала до дома, так ей хотелось расплакаться. Выпив почти целую бутылку вина, что уже входило в привычку, рухнула в кровать. Сил на слезы не осталось, поэтому Никки сразу уснула и проспала почти до девяти утра. Сегодня она чувствовала себя гораздо лучше... впрочем, только до сеанса с Картером Беркли. После его параноидального нытья она снова впала в мрачное уныние. Оставалось надеяться, что по дороге домой ей станет немного лучше.

Оказавшись дома, Никки сразу же включила телевизор и отправилась наверх переодеться. В последнее время радио и телевизор стали ее постоянными спутниками, поскольку немного скрадывали одиночество. Скинув наряд психотерапевта – юбку, блузку, пиджак, Никки облачилась в шорты, майку и кеды. Она решила, что идеальным завершением вечера

будет пробежка вдоль моря. Никки не бегала целую вечность, со смерти мужа, а ведь когда-то пробежки приносили ей истинное наслаждение: приятное дуновение морского бриза, ласковое солнце, ощущение свободы и радости...

Никки не ждала чудес, радость в ее жизни стала чужаком, пробежка была нужна для смены обстановки. Пора прекращать одинокие вечера у телевизора с бокалом вина. Уж если бестолковая Лиза Флэннаган способна выползти из своей раковины, неужели Никки не справится?

По телевизору шел выпуск новостей.

– В кустах одной из центральных аллей, буквально в десяти метрах от дороги, было найдено тело молодой женщины, – говорил ведущий. – Предварительная причина смерти – убийство. Жертва – женщина лет тридцати, белая. На теле многочисленные ножевые ранения и следы пыток.

Никки сухо сглотнула.

«Как же эти репортеры любят детали!»

– В отчете полиции говорится, что лицо жертвы сильно изуродовано, что затрудняет опознание.

Никки торопливо достала из холодильника бутылку воды.

«Боже, неужели поблизости ошивается какой-то псих?»

– А теперь к новостям спорта. В этом сезоне...

Никки выключила телевизор и вышла из дома.

Она почти добежала до бульвара Сансет, когда зазвонил ее мобильный.

Это был Трей. Он плакал навзрыд, так что невозможно было разобрать ни слова.

– Так, дорогой, дыши медленно. Очень медленно, – принялась успокаивать его Никки.

Из трубки слышались два судорожных вдоха.

– Молодчина, – похвалила она. – Теперь можешь рассказать, в чем дело?

– Лиза! – выпалил Трей. – Лиза Флэннаган.

Трею нравилась Лиза, Никки давно это подметила. Парнишка тайком таранился на клиентку, когда она выходила из кабинета, и улыбался, принимая плату за сеанс.

– Что с ней такое? – мягко спросила Никки. – Я уверена, что все не так плохо.

– Все плохо! Она мертва. – И Трей снова разрыдался.

Никки ощутила странный гул в ушах. Машины, проезжавшие мимо, казались ей фантомами.

– Как это? – наконец произнесла она.

– Она умерла. Ее убили. – Трей буквально взвыл. – В «Новостях» передали.

Ноги Никки стали ватными. Она же видела Лизу только вчера, живую, здоровую, уверенную в своем прекрасном будущем!

– Не может быть, ты ошибаешься...

– Я не ошибаюсь. Боже, док, это ужасно. Какой-то псих порезал ее на куски. Прямо посреди аллей, недалеко от нашего центра!

Никки охнула, вспомнив выпуск новостей. Неужели в них говорили о Лизе?

– Доктор Робертс? Вы меня слушаете?

Голос Трея казался далеким и детским.

Никки охватило страшное чувство вины. Она завидовала Лизе, ее радостному настроению и наивной глупости, она осуждала Лизу... и вот теперь Лиза мертва.

Никки гнала эти мысли прочь, но они кружили роем в голове, словно назойливые мухи.

– Поговорим завтра, Трей, – тихо проговорила Никки и выключила телефон.

На смену старому кошмару пришел новый.

Глава 5

– Доктор Робертс. Николя Робертс. Вопрос очень простой, сынок: это мужчина или женщина?

Над столом Трея нависли два копа. Выглядели они внушительно. По мнению Трея, даже угрожающе. Еще бы: два здоровенных полицейских и маленький черный парнишка, к тому же бывший наркоман и барыга, сбывавший мет и кокс в Вестмонте, южном районе Лос-Анджелеса. «Аллея смерти» – вот где он ошивался еще совсем недавно.

– Сейчас у нее пациент.

Тот коп, что был ниже ростом и толще, с большими влажными и на удивление бледными губами, походившими на толстых опарышей, сверлил Трея взглядом.

– Это там? – кивнул он на дверь кабинета.

Полицейской формы на нем не было, и значок он не показывал. Точнее сказать, оба копа значки не предъявили. Однако все в них – от вальяжного самодовольства до манеры растягивать слова – указывало на то, что они представители закона. Трею даже в голову не пришло спросить их фамилии и звания.

– Да, там, – подтвердил он послушно. – Но как я сказал раньше, у доктора Робертс сейчас пациент. Во время сеанса ее нельзя беспокоить.

– Да неужели? – Толстый коп неприятно улыбнулся и направился к двери.

– Брось, Мик, – миролюбиво заметил второй полицейский и похлопал толстого по плечу. – Подождем немного.

– Подождем?

Губы-опарыши недовольно изогнулись, однако высокий коп не обратил на это внимания и направился к итальянскому кожаному дивану. Подхватив со столика журнал «Психология сегодня», он как бы невзначай спросил:

– Сеанс длится минут пятьдесят, верно? Я ходил к психологу после развода.

– С которой из твоих жен? – поддел толстый коп, усаживаясь рядом. Ему явно не нравилось ждать под наблюдением Трея.

– Да с каждой из них, – улыбнулся напарник. – Всякий раз я был просто раздавлен.

Губы-опарыши поджались. Толстяк выглядел точно так, как должен выглядеть мерзкий коп в Лос-Анджелесе: зажавшийся, туповатый, впитавший ненависть к черным с молоком матери и стрелявший прежде, чем пошевелит мозгами. Судя по тому, с каким омерзением он поглядывал на Трея, на жирном теле вполне могла быть свастика, набитая много лет назад, – настолько очевидными были его расистские наклонности. Возможно, второй полицейский был ничуть не лучше, однако явно получил неплохое образование и научился скрывать мысли за вежливой улыбкой. А быть может, считал, что роль хорошего копа развяжет язык доктору Робертс лучше, чем хамство.

О, Трей неплохо разбирался в людях. Он не был психотерапевтом, но порой безошибочно ставил диагноз пациентам доктора.

– И долго еще? – Губы-опарыши опять поджались, когда их обладатель посмотрел на настенные часы. Взгляд был таким неприязненным, словно часы были косвенно виноваты в происходящем.

– Еще пятнадцать минут, – тотчас откликнулся Трей. Он сообразил, что копы пришли узнать о Лизе и ее частной жизни. Скорее всего они запросят все записи сеансов и будут копаться в чужом грязном белье. При мысли об этом парню стало мерзко.

Трей повидал, как люди покидают этот мир тем или иным способом. На жертв убийств и дохлых торчков он тоже насмотрелся. Но эти смерти случались в другом мире. Перестрелки,

передоз, разборки в подворотнях для окраин, где вырос Трей, были привычной картиной – грустной, но привычной.

Но это!

Лиза была совсем из другого мира – мира белых, красивых и богатых жителей Лос-Анджелеса, мира, в котором умирают в постели от старости. Как такое дерьмо проникло в прекрасный мир Лизы и доктора Робертс? Мир, в который его вытащили из грязи, приняли как родного ребенка, уважали.

Этим дрянным копам здесь не место! Они притащили в светлый офис доктора всю мерзость своего мира!

– Быть может, воды? – вежливо спросил Трей.

– Спасибо, воздержусь, – покачал головой «хороший коп».

– А я хочу колы, – заявил толстяк, не отрывая взгляда от смартфона. Больше он ничего не произнес, но в воздухе очевидно повисло: «Живо, черножопый!».

Трей раздраженно сжал кулаки под столом. Ему чертовски хотелось сказать, что колы нет, но инстинкт самосохранения, не раз спасавший ему жизнь в подворотнях, заставил прикусить язык.

«Не связывайся с копами. Никогда не нарывайся».

Анна Бейтман сидела в кабинете психотерапевта, неловко скрестив ноги, прикрытые льняной юбкой. Ее движения были неторопливыми, полными грации, как у балерины. Никки нравилось следить за Анной из-под ресниц. Ночью она видела свою пациентку во сне. Сон не имел эротического подтекста, но вполне очевидно говорил о тайном интересе. Пожалуй, навязчивое желание смотреть на Анну Бейтман доктор Робертс могла отнести к разновидности вуайеризма. Возможно, такой необычной Анну делала принадлежность к творческой профессии. Какая разница, танцует женщина или играет на скрипке? И то и другое могло придать ей неуловимую грацию и загадку, которые заставляют мужчин смотреть вслед.

– Она ходила к вам, да? Была вашей пациенткой? – спросила Анна.

– Ты же знаешь, что я не могу разглашать такую информацию, – мягко сказала Никки.

Как и все, Анна смотрела новости и сопоставила факты. Ей явно хотелось обсудить произошедшее.

– Понимаю. Можете не рассказывать. – Она сверлила взглядом свои колени. – Я и так знаю: мы часто сталкивались с Лизой в приемной. Бедняжка.

– Да.

У Никки перехватило горло. Лиза выпорхнула из ее кабинета такая счастливая, полная надежд, так уверенно смотрела в будущее... которого у нее не было.

Теперь доктор Робертс уже ничем не могла помочь Лизе Флэннаган, однако все еще могла помочь Анне Бейтман. Прекрасная, не испорченная современным обществом Анна, пожалуй, была единственной пациенткой, которой Никки хотела помочь самым искренним образом. В свои двадцать шесть Анна играла на скрипке в первом составе филармонического оркестра Лос-Анджелеса, что было немалым успехом. Однако воспитанная чересчур строго, Анна вела жизнь, не соответствующую возрасту. Подростком она постоянно моталась по гастролям, объездила полмира. Как-то почти невзначай вышла замуж за влиятельного мужчину значительно старше себя.

Анна была хороша собой – с белоснежной, как алебастр, кожей и огромными карими глазами. Милая и застенчивая, она терялась в разговорах и предпочитала сверлить глазами пол. Только скрипка меняла ее кардинально, выпуская наружу пылкую женщину, поглощенную вихрем нот. Увидев Анну на сцене, мужчины теряли голову. Ее муж также пал жертвой этого дивного сочетания невинности и страсти. Он увез красотку в огромное поместье, где осыпал подарками и дорогими вещами, носил на руках, но почти никогда не выпускал из поля зрения.

Потребовалось немалое время, чтобы Анна смогла освободиться из-под его неусыпного контроля. Нельзя сказать, что она не любила мужа, но брак был заключен так стремительно и в столь юном возрасте, что его вполне можно было отнести к ошибкам юности. Только повзрослев, она наконец поняла, что любовь всей ее жизни – музыка – настойчиво требует возвращения в Лос-Анджелес. Анна трудно переживала расставание с мужем, и поэтому решила на терапию. За последние три месяца ей удалось почти полностью открыться чуткой Никки, и она часто приходила за советом.

– Не нужно бояться, – сказала Никки. – То, что случилось с Лизой, ужасно. Но в нашем мире случаются вещи пострашнее. Да, ты встречала ее в клинике, но это не делает вас подругами. Случайная прохожая, не более того.

– Все верно, – кивнула Анна, робко улыбнувшись. – Я все принимаю близко к сердцу, вот дурочка.

– Вовсе не дурочка, – покачала головой Никки. – Смерть страшна сама по себе, тем более смерть через насилие. Но это ужасное происшествие никак не связано с твоей личной драмой, Анна. Не стоит переживать за весь мир.

Сеанс подошел к концу. Никки встала проводить пациентку. Ее клиенты на прощание часто пожимали ей руку, но Анна обычно обнимала, как сестру. Порой Никки казалась, что она мать дочери-подростка, которая неохотно идет в новую школу. Стыдно было признаться, но зависимость Анны от встреч с ней Никки даже нравилась. Анна Бейтман была ей почти как подруга.

Однако в этот раз, когда юная скрипачка обняла ее, Никки застыла, заметив в приемной двух мужчин, сидевших на кожаном диване, которые смотрели на нее в упор.

Никки сдержанно похлопала пациентку по плечу и, кивнув гостям, спросила:

– Я могу вам помочь?

Тот, что был моложе и выше, поднялся, протянул ей руку и вежливо представился:

– Детектив Лу Гудман, полиция Лос-Анджелеса. А это мой напарник, детектив Мик Джонсон.

Никки коротко пожала руку Гудмана.

– Вы насчет Лизы, верно? Ужасный случай.

Она протянула ладонь второму копу, но тот неприязненно пожал плечами и рявкнул, покосившись на Трея:

– Не тут! В кабинете.

У Никки появилось ощущение, что толстый полицейский ей смутно знаком, но она и бровью не повела.

– Как вам будет угодно.

Она широко распахнула дверь, предлагая мужчинам пройти в кабинет.

Детектив Мик Джонсон слушал доктора Робертс, не сводя с нее пристального взгляда. Вопросы задавал его напарник. Ответы были краткими.

– Когда вы в последний раз видели Лизу Флэннаган?

– В день смерти.

– На сеансах Лиза говорила, что ей угрожают или что она опасается за свою жизнь?

– Нет.

– Знаете ли вы кого-то, кто мог желать Лизе смерти?

– Нет.

Гудман задавал вопросы вежливо и ни разу не попросил дать более развернутый ответ. Казалось, односложные фразы Никки его устраивали. Он смотрел в блокнот и делал пометки.

Джонсона такой допрос раздражал. Он не верил Никки. Она никогда не нравилась ему. Проклятая сучка даже не вспомнила его! А вот он ее не забыл. Глядя теперь, как эта самоуве-

ренная дрянь держится – едва ли не надменно, – с каким нарочитым презрением поправляет каштановые волосы и пожимает плечами, Джонсон чуть не лопался от бешенства.

– Миссис Робертс, может статься, что вы последняя видели мисс Флэннаган живой, – заметил Гудман и подался вперед, глядя на нее в упор. – Вы же понимаете, какое значение может иметь каждая деталь. Поэтому нам важны любые мелочи, они могут привести на след.

– Я понимаю, детектив, – ответила Никки. – Но не уверена, что могу вам помочь. После сеанса Лиза казалась весьма довольной собой и уходила в отличном настроении. Она недавно рассталась со своим парнем...

– Парнем? – ядовито переспросил Джонсон. – Вы про ее сладкого папика Уильяма Бадена?

В голосе толстяка сквозило презрение. Сама мысль, что красивая молодая женщина ложилась под грязного старика, наполняла его ядом.

– Да, – опять односложно ответила Никки.

– Давайте называть вещи своими именами. Она крутила интрижку со старым богатеньким папиком, к тому же женатым. И все, что вашей пациентке было нужно, – это его тугой кошелек. – Джонсон сделал вид, что не заметил осуждающего взгляда Гудмана. – Эта Лиза была первоклассной шлюхой, не так ли?

– Не берусь судить, почему моя пациентка встречалась с Уильямом Баденом. Я не имею права оценивать своих пациентов, детектив. – Никки говорила с прохладцей, пытаясь не поддаваться на провокации чертова сексиста. – Могу лишь повторить слова Лизы, что она предприняла шаги к расставанию с Уиллом и, похоже, радовалась собственной решительности.

– А она не говорила, что спешит на какую-нибудь встречу после сеанса? С другом например? Может, ее кто-то подвозил? – вмешался Гудман, взглядом остановив попытки напарника вставить в разговор с комментариями.

– Нет. Она уходила одна. Если сеанс выпадал на среду, Лиза была без машины.

Копы переглянулись.

– Почему?

Никки пожала плечами.

– Простите, я не в курсе. Но в тот день шел дождь и я одолжила ей плащ, чтобы не промокла.

Детектив Джонсон внезапно перестал лопаться от бешенства и недоуменно уставился на доктора.

– Что вы сказали? На убитой был ваш плащ?

– Да.

– Можете его описать, доктор Робертс?

Никки ответила, что плащ был самый обычный, но оба полицейских пришли в возбуждение.

– Благодарим вас, миссис Робертс, – тепло улыбнулся Гудман. – Вы нам очень помогли.

У него была занятная манера говорить, подаваясь вперед и глядя в глаза, словно, кроме него и Никки, в кабинете никого не было. Слова он произносил со значением, даже если они были простой формальностью.

Словно для контраста, его напарник всем видом изображал одновременно презрение и гнев, будто заранее обвинял собеседника во всех грехах. Вопросы Джонсона были провокационными, а о вежливости детектив имел весьма смутное представление. Но даже он, услышав о плаще, как-то внезапно притих.

Но ведь это был самый обычный дождевик!

Едва полицейские ушли, в дверь постучался Трей.

– Простите, док, не уверен, что вел себя правильно. Знаю же, что нельзя прерывать сеанс, поэтому и заставил их ждать. Кажется, тому толстяку это не понравилось.

Никки похлопала его по плечу.

– Все хорошо, Трей. Ты поступил совершенно правильно. Ты сам в порядке? Тебе ведь нравилась Лиза.

– Я взял себя в руки, – пробормотал парнишка, – но до сих пор в шоке.

– Как и я.

– Она была такой красивой.

– Да, очень.

– В такие моменты мне не хватает доктора Дугласа, – выпалил Трей. – Понимаете?

У Никки сжалось сердце. Губы дрогнули.

– Ой, зря я это сказал! Простите!

– Не извиняйся. Ты скучаешь по нему, и это нормально. Я тоже скучаю. Имя моего мужа вовсе не под запретом. Это не табу.

Позже, когда Трей уехал домой, Никки еще долго сидела в кабинете, и она думала о Дугласе, представляла, как бы он отнесся к смерти Лизы, что бы сказал на это. Потом размышляла о самой Лизе, о сердитом копе, который назвал Лизу шлюхой.

Никки не осуждала толстяка за гнев. После смерти мужа она и сама очень долго жила во власти гнева и знала, как трудно контролировать эту эмоцию.

Никки достала из кармана визитку детектива Гудмана. Того, что играл роль хорошего копа.

Лу Гудман.

«Лу». Ну и ну...

Внезапно Никки стало любопытно, увидятся ли они снова.

Глава 6

Медицинский эксперт Дженни Фойл расстегнула молнию пластикового пакета и повернулась к детективам. Ей было не меньше пятидесяти, но лишенное привлекательности лицо казалось угловатым, как у подростка, и стрижку она носила мальчишескую – боб, который, правда, в силу возраста окрасился в оттенок «соль с перцем». Косметикой она не пользовалась.

– То есть одна из этих ран оказалась смертельной? – уточнил Мик Джонсон, глядя на мертвое тело Лизы Флэннаган.

– Та, что была нанесена в сердце, – подтвердила Дженни. Она считалась опытным экспертом, а ее отчеты порой потрясали воображение детальностью. – Остальные были поверхностными. Их наносили для того, чтобы причинить боль, но не убить.

Лу Гудман нахмурился.

– Восемьдесят восемь несмертельных ранений?

Дженни кивнула.

– Так и есть.

Большинство людей предпочитали общаться с Лу, настолько раздражительным нравом обладал его напарник. Гудман слыл обаяшкой, тогда как Джонсон всегда был чем-то недоволен и не скрывал своих эмоций. Джонсона недолюбливали все, кроме Дженни Фойл. Лу Гудман казался ей скучным занудой. Видимо, брали свое ирландские корни мисс Фойл – мягкие, понижающие мужчины казались ей слабаками. То ли дело Джонсон! Да, не красавец, да и выглядит потрепанным в своих застиранных рубашках, зато его грубоватый юмор и хамоватые манеры говорили о том, что перед вами настоящий мужик. А «настоящий мужик» и «политкорректность» – понятия несовместимые.

Одним словом, Дженни любила, когда Мик заходил в лабораторию.

– Значит, ее пытали? – спросил Джонсон. – Ты об этом?

– Именно. Над ней измывались, и довольно долго. Давали отползти, вселив надежду, а потом все начиналось снова. Ребята, Лизу Флэннаган зверски мучили. Зверски.

В повисшей тишине Дженни с жужжащим звуком застегнула молнию пакета, скрыв изувеченное тело, по которому едва можно было понять, мужчина это или женщина.

Первым заговорил Гудман:

– Продолжительность пыток и время смерти установлены?

– Да. Между первым ударом и последним, ставшим для мисс Флэннаган смертельным, прошло несколько часов. Не стану вдаваться в детали, но уровень потери крови и рубцевание порезов говорят о том, что денек у девушки выдался чудовищный, – между делом сказала Дженни.

– Следов сексуального насилия нет?

– Ни единого.

– Она хотя бы сопротивлялась? – спросил Джонсон.

Дженни выгнула бровь и со щелчком сняла перчатку.

– Сначала я решила, что она даже не пыталась бороться: возможно, ее парализовало от ужаса, – однако, уже завершая осмотр, обнаружила кусочки кожи под ногтями. Образец крохотный. И знаете... довольно неожиданный.

Оба детектива подались вперед.

– Понимаете, эпителий очень странный. Я прежде такого не видела. Похоже на частицы кожи трупа.

– Трупа? – переспросил Гудман внезапно осипшим голосом.

– Да. Понимаете, как будто убийца... гнил заживо.

Джонсон прищурился.

- Что за ерунда? Ты хочешь сказать, что эту девку убил мертвяк?
- Конечно, я так не думаю! – оскорбилась Дженни. – Это же бред!
- Тогда что ты имела в виду?

– Лишь то, что эпителий очень странный. Разлагающийся. Но при детальном анализе мы точно не ошибемся, сравнивая образцы из-под ногтей с образцами, взятыми у подозреваемого, если его удастся поймать.

– Ага, какого-нибудь зомби! – Мик Джонсон игриво хлопнул эксперта по плечу. – Бродячий труп ищет новую жертву.

Дженни хохотнула.

– Теперь ты знаешь, кого искать, Микки! Если встречу подозрительного мертвяка, сразу тебе наберу. Ладно, ребята, – посерьезнела мисс Фойл, – мне пора писать отчет. Держите меня в курсе.

Выйдя из лаборатории, детективы молча обдумывали услышанное. Конечно, комментарий Джонсона про зомби был глупой шуткой, однако наводил на неприятные мысли. Как частицы кожи трупа могли попасть под ногти мисс Флэннаган? Странное дело.

Гудман первым нарушил молчание:

- Итак, пытки, издевательства, убийство. Я ничего не упустил?
- Уже немаленький набор, – буркнул Джонсон.
- Сосредоточимся на этом, а образцы из-под ногтей пока отложим.
- Это разумно, – проворчал Джонсон и сплюнул под ноги.

Порой «правильный» напарник раздражал его, но разногласий у них не случалось. Лу Гудман обладал цепким умом, был внимателен к деталям и терпелив к дурному нраву Джонсона. Этого оказалось достаточно для плодотворной совместной работы.

Они сели в машину и собрались уезжать, когда на дорожке показалась Дженни Фойл, которая изо всех сил махала руками, привлекая к себе внимание.

Джонсон опустил окно.

– Что случилось? Новые детали? Или ты просто соскучилась? – приснул он. – Может, укусы вампира на шее несчастной?

– Очень смешно, – фыркнула Дженни и махнула каким-то листком. – Кажется, Мик, кому-то здорово повезло. Я отправила образцы кожи на анализ. Так вот, пришел отчет: у нашего зомби есть имя.

Глава 7

Лу Гудман ехал вдоль Пасифик-Палисейдс. Еще в начале их совместной работы они с Джонсоном договорились, что каждый будет заниматься допросом своего контингента: это сэкономит время и нервы. Таким образом Гудман ездил в дома к богатым и наделенным властью свидетелям, которых он называл «голубая кровь», а его напарник – презрительно – «богатенькие ублюдки». Джонсон же предпочитал общаться с теми, кому, по мнению Гудмана, не так повезло в жизни, а по словам Мика, подфартило, что вообще дышат. Как правило, это были латинос и прочие мигранты. С ними у Джонсона хватало выдержки вести себя корректно. Однако его «лояльность» не распространялась на черных парней, которых он не переносил на дух, и когда вел допрос, с трудом удерживался от расистских оскорблений.

Но сегодня речь не шла ни о черных, ни о мигрантах.

Машина Лу Гудмана катила по уютным улочкам богатого пригорода, где за массивными воротами возвышались дорогие особняки местных миллионеров.

– Сверните направо, на Капри-драйв, – велел безликий женский голос навигатора.

Гудман повиновался и проехал мимо нескольких вычурных ворот с золотыми львами. Здесь не употребляли слово «поместье», но только так можно было описать владения богачей, для которых пятнадцать гостевых спален в доме были отнюдь не пределом. Служанки в униформе, садовники, приводившие в идеальный вид газоны и клумбы, породистые борзые на выгуле... скромные убежища для сильных мира сего.

У ворот одного из особняков курьер пытался достать из фургона букет метровых роз, а его помощник расправлял ленты, увенчанные десятком огромных гелиевых шаров с надписями «Райану стукнуло 9!».

Счастливчик Райан. Гудман вспомнил собственное девятилетие. Они со школьным приятелем Марко почти весь день провели на катке, обедаясь эскимо. Вскоре отец объявил себя банкротом, и семья Гудман скатилась в нищету. В тот год отец Лу, Грег Гудман, умер, но для Лу девятый день рождения все равно был лучшим праздником за всю жизнь. Гудман старался помнить только хорошие моменты.

Со временем Лу понял, что деньги не всегда приносят счастье, однако их полное отсутствие делает людей несчастными почти всегда. Его отец не принял нового положения дел, бедность душила его. Для Грега богатство измерялось наличием небольшого бизнеса, домика с гаражом и большого сада. Лишившись всего этого, он в одночасье угас и покончил с собой.

Его сын вырос другим. Лу Гудман давно усвоил: где деньги, там и власть, – а испытание властью выдерживают не все. Истинная власть, безграничная, не знающая сомнений, не знает и страха. Ей чужды такие понятия, как «совесть» и «гуманизм». Чтобы получить или удержать власть, люди решались на страшные поступки.

– Вы прибыли в точку назначения, – сухо проинформировал навигатор.

Лу уставился на солидную ограду, за которой возвышался белый особняк в греческом стиле. Капри-драйв, 19 772, резиденция Гролша.

Он успел бегло ознакомиться с историей семьи. Еще в восьмидесятые Натана Гролша называли «мусорным королем». Когда ему было около пятидесяти, он заработал первый миллион, бросил жену с двумя дочерьми и женился на местной королеве красоты Фрэнсис Дентон. У них родился сын Брендон, которому три дня назад, когда зверски убили Лизу Флэннаган, исполнилось девятнадцать.

Если образцы кожи из-под ногтей мисс Флэннаган действительно принадлежали Брендону Гролшу, выходило, что парень хорошо отметил день рождения, а затем отправился кромсать тело несчастной женщины. Других версий, как частицы кожи, принадлежавшие Брендону, могли попасть под ногти погибшей, пока не было.

Гудман вышел из машины и надавил на кнопку звонка возле гигантских ворот. Два каменных льва безмолвно смотрели на него с высоких постаментов.

– Да? – раздался женский голос в спикерфоне.

– Добрый день. – Детектив откашлялся. – Детектив Лу Гудман, полиция Лос-Анджелеса. Мне нужно пообщаться с Брендоном Гролшем.

– Один момент. – У горничной был узнаваемый мексиканский акцент.

В спикерфоне раздался треск, а затем стало тихо.

Лу уже приготовился снова надавить на кнопку звонка, когда ворота медленно открылись, открывая путь к зеленым лужайкам и белоснежному особняку.

Проехав по брусчатке мимо мраморного фонтана и дубовой аллеи, Гудман остановился возле дома, заглушил мотор и поднялся по ступеням к двери. Парадный вход обрамляли ветви оливковых деревьев, изящные длинные листочки трепетали на ветру. С портика свисала старинная бронзовая лампа. Это местечко куда больше походило на пятизвездочный отель, нежели на частное жилище, – так сильно была выражена греческая стилистика. Этакий афинский «Ритц-Карлтон».

– Проходите, пожалуйста.

Служанка – в самом деле мексиканка – проводила детектива через просторный холл в маленькую гостиную. Гудман смотрел по сторонам, не скрывая любопытства. Интерьер был по-женски воздушным – белые диванчики с витыми ножками, пепельно-розовые драпировки, занавески в мелкий цветочек, кремовые подушечки. Огромная ваза со свежими пионами занимала кофейный столик, на трюмо были зажжены ароматические свечи, от которых в воздухе витал сладкий аромат.

Что это за свечи? Быть может, с ароматом фиников и инжира? Точно что-то восточное!

– Миссис Гролш сейчас спустится. Принести вам чаю?

– Нет, спасибо, – улыбнулся детектив. Гудман пришел с почти готовым обвинением в убийстве. Как он мог пить чай в фамильной гостиной Гролшей? – А Брендон дома?

Служанка потупила взор и замялась.

– Сейчас придет миссис Гролш, – ответила она невпопад и вышла за дверь раньше, чем Лу успел повторить вопрос.

Через пару минут дверь снова распахнулась.

– Прошу прощения за ваше ожидание, детектив. Меня зовут Фрэнсис Гролш.

Вопреки его ожиданиям, хозяйка дома оказалась грузной и бесформенной. Опухшие веки и бегающий взгляд, одутловатое лицо... едва ли сейчас в ней можно было узнать королеву красоты, которая лет двадцать назад пленила «мусорного короля». На женщине был непонятный комбинезон в ярких пятнах, обтягивающий толстый зад, редкие седые волосы стянуты в жидкий хвостик дешевой резинкой. Если бы Гудмана попросили описать миссис Гролш одним словом, он бы сказал «опустившаяся». Ее голос звучал как-то безнадежно, каждое слово она произносила так долго и нудно, что собеседник мог заскучать, пока она закончит.казалось, что даже шевелиться этой женщине было лень.

– Вы пришли к Брендону? – устало спросила Фрэнсис и рухнула на белый диван.

– Это так. Ваш сын дома, миссис Гролш?

– Нет, – протяжно ответила она и прикрыла глаза, словно собиралась уснуть.

Гудман заподозрил, что хозяйка злоупотребляет валиумом.

– А вы знаете, когда он будет дома?

Ее глаза открылись, однако ответа не последовало.

– Мэм? – поторопил Гудман.

К его изумлению, женщина раззявила рот и натурально взвыла, словно раненое животное. Детектив остолбенел, а миссис Гролш была все громче и громче. Через несколько секунд за дверью раздался топот гигантских ног, словно на вой нессся носорог.

Дверь распахнулась, и в гостиную ворвался огромный мужчина в возрасте, одетый в черный костюм.

– Какого черта, Фрэн? Заткнешься ты или нет? Орешь как чертова сирена, а я пытаюсь работать, – пророкотал он, а заметив Гудмана, замер и рывкнул: – Вы еще кто? И какого дьявола она воет?

Гудман торопливо предъявил значок. Мужчина с неприязнью изучил его.

– Отдел по расследованию убийств? А кто помер? – хмыкнул он и брезгливо бросил воющей супруге: – Да замолчи же ты!

Та вскочила с дивана и выбежала из гостиной.

– Натан Гролш, если не ошибаюсь? – вежливо уточнил Лу, пытаясь обрести контроль над ситуацией.

Выходило из рук вон плохо.

– Конечно, я Натан Гролш! – рывкнул здоровяк. – Кому еще быть в моем доме, а? А вот ты какого дьявола здесь забыл?

На всякий случай Гудман еще раз махнул значком.

– И что? Это не ответ на мой вопрос, – прорычал хозяин дома. – Вообще-то я занят.

– Мне надо пообщаться с вашим сыном.

Гролш закатил глаза.

– Так вот чего она воет! Ты спросил ее про Брендона? – Он кивнул на дверь, за которой в истерике скрылась его жена.

– Мистер Гролш, где ваш сын? – без обиняков задал вопрос Лу Гудман. Нагловатые манеры «мусорного короля» начинали его раздражать. – Полиция расследует убийство молодой женщины. Нам надо убедиться в том, что ваш сын не причастен к этому делу.

– Что ж, это будет несложно, – ответил хозяин дома. – Брендон мертв.

Лу Гудман опешил.

– Как вы сказали?

В полицейской картотеке не было никаких упоминаний о смерти юного Гролша.

– Передоз, – пожал плечами Натан Гролш с таким видом, словно говорил об обыденных вещах. – Восемь месяцев назад моя жена получила письмо от какой-то подружки Брендона, которая была свидетелем того, как сын загнулся. Думаю, понятно, что это за подружка, да? Фрэн не верит в случившееся, хотя о Брендоне нет вестей почти год. Она все еще надеется, что блудный сыночек однажды постучится в нашу дверь.

И Гролш так презрительно фыркнул, что стало очевидно, какого рода чувства он питал к сыну и жене.

– Вы получили письмо восемь месяцев назад, но не сообщили в полицию? – уточнил Гудман.

– Чего ради? Нет тела, нет дела. Вряд ли ваши парни бросились бы искать наркошу на основании невнятного письма его подружки торчка! – Натан Гролш устало покачал головой. – Поймите, Брендон был конченым наркоманом. Мы пытались вытащить его из этой ямы много лет, но каждый раз становилось только хуже. Передозировка была неизбежна. Для нас Брендон умер намного раньше, чем мы получили то письмо.

Вот это да, подумал Гудман. Отец года! Неудивительно, что при таком папаше сынок подсел на иглу.

– Письмо все еще у вас?

– Нет. Я сжег эту гадость, как только прочел. Жаль, что Фрэн успела прочесть его раньше меня. Если бы не эта дрянь Валентина Баден, моя жена до сих пор жила бы в неведении. Мне хотелось придушить эту сучку собственными руками. С тех пор Фрэн сидит на таблетках, которые почти не помогают.

У Лу Гудмана забилося сердце.

– Валентина Баден? Жена Уильяма Бадена?

– В точку. Эта бабенка руководит каким-то благотворительным фондом по поиску пропавших детей. Думаю, Фрэн обратилась к ней, когда сын исчез. Не знаю, как у них ведутся поиски, но результатом стало то письмо. Короче, Брендона из круга подозреваемых можете вычеркивать.

– Боюсь, это не так просто, мистер Гролш, – медленно произнес Лу и заметил, что при этих словах хозяин дома нахмурился. – Мы располагаем результатами теста ДНК, которые указывают на частицы кожи вашего сына под ногтями убитой. А у вас нет ни единого доказательства его смерти. Тела нет, письма тоже нет. Только ваше слово против результатов медицинской экспертизы.

Тон Гудмана, вежливый, но твердый, давал понять, как мало слово Гролша значит для полиции Лос-Анджелеса.

– Как звали покойную? – мрачно спросил тот.

– Лиза Флэннаган.

– Не слышал о такой.

– Она была любовницей Уильяма Бадена, – забросил удочку Гудман. – Мир тесен, правда?

Мрачное лицо хозяина дома озарила вспышка удивления.

– Не так уж и тесен, – между тем заметил он. – Я слышал, что Баден трахает все, что движется. Он переспал с половиной Лос-Анджелеса. Быть может, поэтому его жена занялась благотворительностью. Надо же чем-то себя утешать! – Его губы презрительно скривились. – В общем, детектив, я вряд ли буду полезен. Мой сын мертв, и мне плевать, верите вы в это или нет.

– Тем не менее мне нужна кое-какая информация. Например, когда вы видели сына в последний раз? С кем он общался? Где бывал?

– Мне об этом ничего не известно, – фыркнул Натан Гролш. – Отбросы общества. Быть может, Фрэн знала кого-то из них. Можете расспросить ее, но она не в лучшей форме, вы же видели. – Он развел руками. – А сейчас прошу меня извинить, но через десять минут ко мне приедет тренер по гольфу.

С этими словами «мусорный король» вышел из гостиной, даже не пожав детективу руки. Гудман немного постоял в замешательстве, а затем обратился к появившейся на пороге служанке.

– Проводите меня в комнату Брендона, будьте добры.

Толстая мексиканка нервно обернулась на дверь, за которой исчез Натан Гролш, не решаясь показывать гостю покои хозяев без их разрешения.

Лу предъявил служанке значок полицейского и кивнул в сторону лестницы, давая понять, что его намерение осмотреть помещение не просто вежливая просьба, и та неохотно подчинилась.

Гудмана провели на второй этаж, в большую светлую комнату, декорированную с любовью и заботой. Сразу стало понятно: Брендон Гролш был любимым сыном. Должно быть, он рос чудесным мальчишкой до того момента, как наркотики бесповоротно изменили его жизнь. Стены увешаны постерами со спортивными машинами, плюшевое кресло в углу завалено футбольными мячами, на полке выстроился ряд наград за победы в чемпионатах по плаванию и карате. На столе ровной стопочкой лежали карточки с изображением игроков футбольной лиги.

Когда же парнишка успел свернуть на кривую дорожку?

За спиной детектива раздалось всхлипывание. Он обернулся и увидел зареванную, с красными глазами Фрэнсис Гролш.

– У него же был компьютер? Или мобильный телефон?

Она кивнула.

– И то и другое. Но Брендон продал их, чтобы... ну, вы понимаете.

Гудман кивнул. Он отлично понимал.

Женщина обвела комнату глазами и тоскливо вздохнула.

– Может, у него был и другой аппарат, какой-нибудь дешевый, но я не видела.

– Миссис Гролш, ваш супруг полагает, что Брендон мертв. Говорит, вы получили какое-то письмо...

– Мы не можем быть уверены, что он умер! – с жаром воскликнула она, заламывая руки. – Может, это вообще дурная шутка!

– Но письмо все же было?

Она закивала, роняя слезы.

– Вы получили его от миссис Баден?

Снова кивок.

– Я понимаю, что Брендон мог умереть. Я не дура! Я знаю, как кончают наркоманы. Мне не хочется верить, но вероятность велика. Мой малыш звонил мне несколько раз в неделю. Порой был под кайфом, порой в норме. А прошлым летом звонки прекратились без всякого предупреждения. – Глаза женщины вновь наполнились слезами. – Но я все равно отказываюсь верить! Пока не увижу доказательств, пока не смогу убедиться собственными глазами, что мой мальчик умер, я отказываюсь верить! Вы же понимаете меня?

– Понимаю. Поэтому мне важно узнать все, что можно: любые детали способны пролить свет на это дело. Думаю, вы и сами устали жить в неведении, не так ли?

Она отчаянно закивала.

– Ваш сын мог обратиться за помощью к кому-то, кроме вас? Может, к приятелям? Лечащему врачу? Преподавателю?

Фрэнсис тяжело вздохнула.

– Брендон не занимался с преподавателями, он давно бросил учебу. Терапия ему не помогла, он сбежал из клиник. Не думаю, что Брендон стал бы туда звонить.

Внезапно Гудмана осенило:

– А сеансы доктора Николя Робертс он не посещал?

Фрэнсис на мгновение нахмурилась и прикрыла глаза. Ее губы беззвучно шевелились, словно она пробовала имя на вкус.

– Не припоминаю такого. – Она уставилась на детектива. – Если Брендон найдется, ему грозят неприятности?

Глядя на эту сломленную горем, безутешную женщину, которую не поддерживал муж и которая жила слабой надеждой найти сына-наркомана, Лу медлил с ответом.

– Мы пока не знаем, мэм, – размыто ответил он и протянул ей визитку: – Если что-нибудь вспомните, позвоните мне.

– Хорошо, – покладисто ответила миссис Гролш.

Сев в машину, Гудман размышлял о визите к Гролшам. Похоже, все ниточки вели к супругам Баден, и чем быстрее состоится разговор, тем лучше. Отъезжая от тяжелых ворот поместья, Лу чувствовал, что с каждым метром ему становится легче дышать. Тяжелая атмосфера в доме «мусорного короля» вывела его из равновесия.

Бедняга Брендон.

Проезжая мимо дома с охапкой шаров для девятилетнего Райана, Гудман изо всех сил пожелал ему удачи. Дети, родившиеся в богатстве, не всегда вырастают счастливыми.

Глава 8

– Трей! Эй, Трей!

Голос Марши Реймондс эхом раскатился по холлу дома на Денкер-авеню. Марша с матерью и сыном перебралась сюда два года назад. Их старый дом в неблагополучном районе буквально развалился на части, когда ребята из местной банды закинули в окно спальни тротильную шашку. Они не намеревались никого убить, это было хулиганство чистой воды, однако дом взрыва не пережил.

На прежнем месте семья Реймондс жила довольно бедно. Трей пытался заработать, толкая наркоту, но едва сам не сторчался, так что переезд был ему полезен. Новый дом – новая жизнь. Трей бросил свое занятие и нашел работу. Благослови Господь доктора Дугласа и его прекрасную жену, которые дали Трею шанс. Марша каждый вечер молилась за доктора Никки Робертс.

– Да ты оглохнешь от своих колонок, Трей! – завопила она, пытаясь перекрыть рев какого-то рэпера. – К тебе пришли! Тащи сюда свой зад!

В дверях стоял Хеддон Дефо и, ухмыляясь, наблюдал, как Марша решительно шагает к комнате сына. Трей познакомился с Дефо в реабилитационной клинике, когда лечился в группе у доктора Дугласа. Тогда Трей был костлявым мальчишкой, в ссадинах, со спутанными волосами и бегающими глазами. Почти девять лет он толкал дурь и употреблял сам. По статистике такие, как он, не выбираются. Дети трущоб, не знавшие иной жизни, не имевшие надежды, сразу возвращались на улицы. Но Трей оказался крепким орешком. Он стал тем самым исключением, которым гордятся врачи любой клиники.

– Здорово! Дай «пять»! – Хеддон протянул руку Трею. – Как сам?

– Круто, – ухмыльнулся парнишка. – Не ждал тебя. Все в порядке?

– Проезжал мимо, решил заглянуть.

Оба расхохотались. Вестмонт был не тем районом, мимо которого мог проезжать Хеддон Дефо. У них с Треем была одного цвета кожа, однако они жили в разных мирах. Сын врача и университетского профессора истории, Хеддон вырос в Брентвуде. Черные дети, проходившие лечение в клинике Робертса и Дефо, называли Хеддона «Наш Обама», и это прозвище прекрасно отражало его вполне «белые» замашки и любовь к классике, включая музыку и немое кино двадцатых годов. Хеддон мог часами рассказывать о Чарли Чаплине, однако едва ли знал, кто такой Тупак. Трей, напротив, был типичным продуктом современного общества. Он унаследовал громкий голос матери и привычку влипать в неприятности от парня по имени Билли Джеймс, который исчез с горизонта, едва Марша Реймондс от него забеременела.

– Правда, доктор Дефо, зачем вы приехали? Что-то случилось? – спросил Трей, провожая гостя в свою комнату.

Тот похлопал парня по плечу.

– Все в норме, дружище. Хотел убедиться, что ты в порядке. Дуглас точно бы присматривал за тобой, не так ли?

Трей улыбнулся и кивнул. Доктор Робертс был ему как отец, хотя Трей никогда бы не осмелился сказать такое вслух. Ему чертовски не хватало Дугласа, и Хеддон Дефо казался ниточкой, связывавшей Трея с покойным доком.

– Ты только с работы? Как там Никки?

– Вы о том, как она справляется после убийства?

Хеддон опешил.

– Какого еще убийства?

– Вы не шутите? – недоверчиво спросил парнишка. – Вы даже не слышали? По телику говорили в «Новостях»!

Поскольку на лице врача было все то же недоуменное выражение, Трей в красках рассказал о Лизе Флэннаган и о визите полиции в офис психотерапевта.

– Пациентка доктора Робертс, вот они и привязались.

– Постой, эта та девушка, которую нашли в аллее после дождя? Любовница Уилла Бадена? – ошеломленно уточнил Хеддон.

– Лиза не просто любовница какого-то папика, – обиженно заметил Трей. – Она была милой и доброй, уж я-то знаю! Эти копы считают, что доктор Робертс – последняя, кто видел Лизу живой. Ну, кроме убийцы, естественно.

– Естественно, – эхом откликнулся Хеддон. – А как они выглядели?

– Кто?

– Да те два детектива.

– Ну, – помялся Трей, – такие типичные копы. Один вроде ничего, нормальный. Зато второй – толстый коротышка, ирландец, явный расист и гадкий тип. Знаете, прямо по глазам видно, как он не любит черных.

Хеддон кивнул, о чем-то размышляя.

– Эта Лиза давно ходила к Никки?

– Ну, прилично. Правда, не могу сказать, что они были дружны.

– А как Никки восприняла новость об убийстве?

– Конечно, доктор Робертс здорово огорчилась. Нет, она была даже расстроена. Но это ведь нормально, да? Пациентка погибла.

– Думаю, да, это нормальная реакция.

Они еще немного поговорили, и Хеддон собрался уходить. Он по-прежнему находился в глубокой задумчивости. И как ни уговаривала его Марша остаться на ужин, врач только качал головой.

– Но у нас целая кастрюлька гуляша. Оставайтесь, доктор Дефо. Или вы спешите?

– Мне надо в офис, – виновато пожал плечами тот. – Вы не представляете, какая гора бумаг меня ждет.

Это было вранье чистой воды. Хеддон понимал, что кастрюлька гуляша будет кормить мать и сына еще пару дней. С зарплатой Трея содержать семью было не так-то просто.

– Это очень понимающий человек, – услышал Трей голос старой бабки Коретты, когда доктор Дефо вышел на улицу. – Ты даже не представляешь, как тебе везет с теми, кого посылает тебе Господь.

– А вот и нет, я представляю, ба, – откликнулся Трей и чмокнул пожилую леди в лысеющую макушку. – Уж поверь мне, представляю.

Он улыбнулся.

И все же Трей испытывал смутную тревогу.

Визит был слишком поздним для этой части города. К тому же Хеддон Дефо говорил о какой-то кипе бумаг, которая его ждет. Неужели док так сильно жаждал провести Трея на ночь глядя?

Хеддон заехал в гости впервые за год. За год, что прошел со смерти Дугласа Робертса. Зачем? Он явно слышал об убийстве, однако заинтересовался не жертвой и не состоянием Никки. Он спрашивал про двух копов.

Таким ли случайным был «случайный» визит Хеддона Дефо?

Не переставая размышлять, Трей умял порцию гуляша. По здравом размышлении оказывалось, что в расспросах Хеддона не было ничего необычного, простое любопытство: черный парень расспрашивает черного парня про белых копов.

«Параноя какая-то», – подумал Трей и спустя минуту уже забыл о визите доктора.

Внезапно запищал телефон: пришло эсэмэс, – и, прочитав его, Трей замер от ужаса.

– Что там, милый? – спросила Марша Реймондс. Сын так долго торговал наркотой и был зависимым, что она научилась читать малейшие эмоции на его лице.

– Ерунда, – отмахнулся сын.

– Точно?

Он кивнул и отложил телефон.

– Это по работе. Я кое-что не доделал. Закрутился.

После ужина Трей вымыл посуду и, взяв пакет с мусором, вышел на улицу. Необходимо было убедить мать, что ничего не произошло. Он знал, что Марша следит за ним как коршун, поэтому следовало в первую очередь усыпить ее бдительность. Вернувшись в дом, он как можно непринужденнее бросил:

– Я пройду, мам.

Марша нахмурилась.

– Куда это?

Трей был чист уже два года, но до сих пор слово «пройду» действовало на нее словно взведенный спусковой крючок. Возможно, ей и вовсе не суждено избавиться от этой тревоги за сына.

– Да воздухом подышу, ма, – протянул Трей и клюнул Маршу в щеку.

– Воздухом, ага, – буркнула та. – У нас в районе лучший воздух, да?

– Куплю сигарет, у меня был трудный день. Я быстро.

– Сигарет... – Продолжая хмуриться, Марша почувствовала облегчение. – Дурная привычка, но что уж тут поделать... сходи.

Сын был слишком взрослым для контроля. Она не могла следить за каждым его шагом.

– Спасибо, мам.

– Будь осторожней.

– Конечно, мам.

Воздух был пронизан холодом. Трей Реймондс торопливо зашагал по Денкер-авеню. Он был напряжен так сильно, что вибрировала каждая мышца.

Добравшись до перекрестка, он свернул за угол – туда, где мать точно не могла его видеть, – достал из кармана телефон и перечитал послание: «Будь на углу Вермонт и 135-й через час».

Вот и все. Этого было достаточно. Трей точно знал, от кого пришло эсэмэс и что оно означало. Ему хотелось разрыдаться от отчаяния, но слезы словно замерзли внутри. Поздно плакать.

Улица была пустынна. Только парочка бомжей сидела у стены метрах в двадцати.

Телефон снова запищал.

На этот раз эмэмэс.

Фотография.

Трей открыл ее и зажал рот ладонью.

На снимке было тело женщины – вернее, то, что от него осталось, – со множеством ран. Голая грудная клетка аккуратно вскрыта, словно тушка курицы.

Лиза? Или кто-то еще? Новая жертва?

Под фотографией стояло одно слово: «Поспешите».

Трей пустился бегом и добрался до назначенного места за пару минут, но никого там не обнаружил: ни прохожих, ни машин, – лишь наркоманки возились у черной лестницы.

Трей приблизился к ним.

– Тут кто-нибудь был? Вы не видели мужчину или женщину несколько минут назад?

Одна из девушек обернулась. Пустой взгляд говорил, что она обдолбана.

Трей похлопал по плечу ее товарку.

– Ну же! – воскликнул он и сам удивился отчаянию в своем голосе. – Я кое-кого ищу. Это важно!

Вторая наркоманка внезапно встала, словно робот на батарейках, которые только что заменили, и взвизгнула:

– И кажись, милоч, ты их нашел!

Трея не успел повернуться, как острая молния вонзилась ему в грудь, прошивая насквозь, короткая и горячая. Мгновение спустя сердце взорвалось от боли, и перед глазами Трея все померкло. Он повалился навзничь.

Глава 9

– У меня две пары.

Лу Гудман выложил десятки и восьмерки на стол. Он играл неплохо и старался постичь игру в покер в совершенстве, но это ему давалась тяжело. Гудман еще ни разу не выиграл у Мика Джонсона, который не представлял жизни без покера.

– Не густо, – заметил Джонсон с глумливой ухмылкой и выложил веером свои карты. – Кажется, ты платишь за мой завтрак.

«Лишь бы он не стоил тебе сердечного приступа, – мрачно подумал Гудман, наблюдая, как напарник засовывает в рот сразу два толстых оладушка, политых сливками и клубничным сиропом.

Детективы завтракали в кафе «У Денни» и делились добытой информацией.

Мик рассказал, что бывший любовник Лизы Флэннаган, Уилл Баден в отпуске, который проводит в Кабо-Сан-Лукасе. Было установлено, что в ночь убийства Лизы он со своей преданной и не очень счастливой супругой Валентиной находился в Мехико. Судя по всему, чета Баден планировала оставаться в Латинской Америке до тех пор, пока шумиха с убийством не затихнет и пресса не перестанет поминать по любому поводу романтическую связь миллиардера и погибшей девушки. О семье миссис Флэннаган не удалось найти практически никаких сведений. Родители умерли, детей нет. Родная тетка Лизы жила очень далеко и совсем с ней не общалась.

Гудман поделился сведениями о том, что Валентина Баден неплохо знакома с матерью Брендона Гролша, Фрэнсис. Звонок в офис благотворительного общества, которое возглавляла миссис Баден, оказался пустой тратой времени. Оставалось ждать возвращения Баденов.

Кроме того, было совершенно неясно, жив парень или мертв и откуда частицы его кожи взялись под ногтями жертвы. Ни бывшие одноклассники, ни друзья ничего не слышали о Брендоне с тех пор, как он свернул на кривую дорожку. И хотя Лу совершенно не хотелось принимать точку зрения Натана Гролша, он все больше склонялся к мнению напарника, что сын «мусорного короля» мертв.

Не добавила ясности в расследовании и находка, сделанная одним из стажеров, собиравших улики на месте убийства Лизы Флэннаган. Он обнаружил оторванный капюшон плаща, в который, по словам психотерапевта, была одета Лиза. На нем могли остаться отпечатки пальцев, и полицейские нетерпеливо ждали результатов экспертизы. Станным казалось и то, что на мертвой Лизе плаща не было.

В общем, следствие шло туго.

– Не доверяю я этой психотерапии, – буркнул Джонсон, и еще два оладушка провалились в большой рот. Некоторое время Мик жевал, прикрыв глаза. – И психотерапевтам тоже. Думаю, надо еще раз потрясти эту бабу.

Гудман нахмурился, заметив, с какой неприязнью напарник общался с доктором Робертс.

– Потрясти? На предмет чего?

– Пусть покажет свои записи. – Джонсон выдавил сливки из баллончика прямо в рот. – Ну, про их сеансы с жертвой. Пусть все показывает!

– Это конфиденциальная информация. Записи врача нельзя так просто изъять. Нужен ордер, – предупредил Гудман.

Джонсон фыркнул:

– Да она не врач! Она мозгоправ! Эта баба знает о медицине не больше, чем гадалка на картах Таро.

– Это не так, Мик, – примирительно сказал Лу. – И твое отношение мне кажется предвзятым. Не понимаю твою неприязнь.

– И не поймешь. Никогда, ха!

– Это еще что значит?

– А то, что эта психотерапевт хороша собой. А ты падок на красоток.

– А ты, конечно, нет? – Гудман отодвинул чашку с остывшим кофе. Ему не нравилось это кафе. Он вообще не понимал, почему его коллеги предпочитают простую жирную еду, которую подавали «У Денни». – Да и не столь важно, хороша собой эта доктор или нет. Мы не можем изъять ее записи. Так что вычеркни миссис Робертс из своего списка и сосредоточься на Баденах. И нам необходимо найти Брендона Гролша.

Джонсон хмыкнул, но ничего не сказал. В этот момент зазвонил его телефон.

– А? – спросил он, отвечая на вызов, и внезапно перестал двигать челюстями. Медленно опустив вилку, Джонсон смотрел на Лу, но явно не видел. Судя по всему, звонивший изрядно удивил толстяка. – Да, уже едем, – буркнул он и отключился.

– Что случилось?

– Помнишь Трейвона Реймондса? – спросил Джонсон, вставая. – Тот пронырливый чер-
ный, что сидел в приемной Робертс?

– Парнишка с ресепшена, – кивнул Гудман. – И что?

– Его нашли порезанным неподалеку от места убийства Лизы Флэннаган, причем без одежды. Множество ножевых ранений, одно в сердце.

– Дьявол, – прошептал Гудман. – У нас что, серийник?

– Пока нет. – Джонсон тяжело зашагал к выходу.

– Пока нет? – переспросил Лу, торопливо кидая на стол деньги.

– Трейвон Реймондс еще жив.

Глава 10

Клиника «Седарс-Синай» в сердце западного Голливуда всегда слыла местом, где лечатся звезды и богачи. Тут умерли Фрэнк Синатра и Ривер Феникс, тут родились дети Майкла Джексона, а в психиатрическом отделении лечилась Бритни Спирс.

Тем не менее в таком известном месте работал вполне обычный медперсонал, который помогал вполне обычным людям – жертвам катастроф, потерпевшим от насилия, страдающим мигренями и получившим травмы при падении с роликов. Одним из лучших хирургов клиники считался худощавый иранец Роберт Раманьян, который только что прооперировал Трейвона Реймондса – точнее то, что осталось от бедняги Трея.

– С ним можно поговорить? – взволнованно спросил Гудман. – Его ответы могут пролить свет на дело.

Врач тяжело вздохнул. Операция длилась шесть часов, и Раманьяну было не до двух нетерпеливых полицейских в приемном покое.

– Боюсь, вы не совсем понимаете, детектив, – со всем возможным терпением откликнулся он. – Мистер Реймондс очень пострадал. Он на сильных препаратах и сейчас спит. Операция прошла успешно, однако пациента едва ли можно назвать счастливчиком. Левый желудочек сердца почти разорван в клочья.

Гудмал побледнел.

– Все настолько...

– Нож вошел прямо в сердце, – пояснил хирург. – Мы сделали все, что было в наших силах, но это не означает, что он не умрет в ближайшие часы.

– Тогда нам точно надо с ним поговорить, – проворчал Джонсон. – Его можно разбудить?

– Нет, – коротко ответил врач и с неприязнью посмотрел на обливавшегося потом копа. – Нельзя.

– Реймондс ничего не говорил, когда его привезли? – мягко спросил Лу, надеясь узнать хоть что-то, прежде чем напарник выведет хирурга из себя. – Или он был без сознания? Простите за настойчивость, доктор Раманьян, но ваш пациент мог видеть убийцу. Мы полагаем, этот же человек убил на днях молодую женщину и может напасть снова.

– Я понимаю, – ответил врач. – Но меня вызвали прямо в операционную. Поговорите с теми, кто принимал пациента. Быть может, они что-то слышали. Эй! – Он резко повернулся к Джонсону, который стоял у двери в палату. – Какого черта вы творите? Это запрещено.

– А я думаю, что у полиции есть немало прав, – прорычал Джонсон. – Я хочу задать парню несколько вопросов, ответы на которые могут спасти кому-то жизнь. И мне плевать на ваши запреты.

– Я же сказал, пациент на препаратах. Он даже не услышит ваших вопросов.

– Значит, мой визит ему не навредит, так? Слушайте, док, вы уже сделали свое дело. Теперь дайте нам делать свое.

Хирург настойчиво посмотрел на Гудмана, словно просил о помощи.

– Боюсь, я бессилен, – пожал плечами Лу.

Джонсон нажал на ручку двери и вошел в палату.

– Это возмутительно! – воскликнул врач. – Мальчик едва жив!

И пока он возмущался, призывая на помощь медсестер, Гудман торопливо вошел в палату вслед за напарником.

– Тебе обязательно вести себя как засранец? Вообще-то этот человек помогает, а не мешает следствию.

– Нет, не помогает.

Джонсон застыл возле больничной кровати, на которой лежал весь перебинтованный черный парнишка. Его тело казалось еще темнее на фоне белого постельного белья и многочисленных повязок. К рукам и ногам были подключены датчики, из вен торчали трубки; чудовищный прибор, похожий одновременно на пульт управления полетами и огромный пылесос, управлял жизненными процессами. Лицо пострадавшего было таким опухшим, что потеряло очертания, и по нему Трея невозможно было узнать. Неудивительно, что убийца решил, что он мертв.

– Парень умирает, Лу, – буркнул Джонсон. – Либо он скажет сейчас, либо никогда.

– Понимаю, – вздохнул Гудман. – Но все же...

Договорить он не успел, потому что напарник внезапно громко захлопал в ладоши прямо над ухом Трея.

– Очнись! – взревел Джонсон. – Трей! Очнись и скажи, кто это сделал!

– Мик, остановись...

– Я сказал, очнись и скажи! – вопил тот. – Открой чертовы глаза!

– Ради всего святого, ты спятил! – Гудман резко дернул напарника за плечо. – Уймись. Оставь парня в покое! Какого черта с тобой происходит?

Джонсон обернулся, его лицо было перекошено от злости. Казалось, он собирался дать Лу по морде. В этот момент в палате раздался тихий всхлип, словно кто-то с усилием сделал вдох.

Детективы повернулись на звук. Один глаз Трея, тот, что не окончательно заплыл, распахнулся.

– Я не знаю, – прохрипел парень, судорожно сжимая пальцы, будто пытался во что-то вцепиться. – Прощу вас! Я не знаю. Не знаю! – Он замотал головой и слабо запищал. В горле что-то клекотало.

Даже Джонсон встревожился.

Один из приборов запищал, и через несколько секунд в палату вбежали медики и бросились к пациенту. Трей забился на постели и внезапно затих.

– Кто вас впустил? – заорала на детективов одна из медсестер. – Сюда можно только персоналу. Уходите!

Гудман вылетел за дверь и быстро зашагал по коридору. Джонсон отставал всего на шаг.

– Ты что творишь? – Гудман резко обернулся. – Да семья парня может подать на нас в суд!

Джонсон нервно хохотнул.

– И что будет? Черные подали в суд на копов, эка невидаль! – В его тоне отчетливо слышались презрительные расистские нотки, говорившие о непоколебимой уверенности в том, что мир держится на белых, а черным в нем места нет. Уверенности в том, что Маршу Реймондс, мать-одиночку из Вестмонта, едва ли станут слушать в суде.

Глядя на Мика, Гудман уже не в первый раз почувствовал брезгливость. Ему дьявольски хотелось оказаться как можно дальше от напарника.

Меж тем Джонсон направился к выходу.

– Куда это ты?

– Тут нам ловить больше нечего. Парень долго не протянет. Так что хирург впустую потратил время, зашивая этого черного. Впрочем, кое-что нам удалось узнать.

– Неужели?

– Когда Трей умрет, у нас будет две жертвы за одну неделю, погибшие от рук одного и того же психа.

– Велико открытие, – покачал головой Лу, не понимая, зачем с таким пафосом говорить об очевидных вещах.

– Это не все, – фыркнул Джонсон. – Вспомни, кто из наших знакомых хорошо знал обе жертвы.

Повисла пауза.

Признавать правоту напарника Гудману не хотелось. Однако все ниточки действительно вели к одному человеку, который знал и Лизу Флэннаган и Трея Реймондса.

К доктору Никки Робертс.

Глава 11

Никки Робертс, тяжело дыша и ощущая дрожь в теле, словно ее облили ледяной водой, рывком села в постели. Футболка была мокрой от пота.

Взглянув на часы, которые показывали 4:52, Никки рухнула обратно на подушку.

Один и тот же сон на протяжении уже нескольких месяцев терзал ее ночами и заставлял с криком просыпаться. В этом сне умирающий Дуглас просил Никки о помощи, умолял сделать хоть что-нибудь, но она оказывалась бессильна. Сегодня ночью все повторилось: Дуглас умер, и его смерть была на ее совести. Каждый раз муж погибал по-разному. То тонул в реке и тянул к Никки руку, а она стояла на берегу и смотрела, как он уходит под воду. То летел в скоростной тачке, у которой отказывали тормоза, а Никки могла каким-то образом остановить машину, но бездействовала. Этой ночью она увидела очередную версию личного ада: они с Дугласом прогуливались по краю обрыва, муж оступился и чуть не упал в пропасть. Цепляясь одной рукой за каменный выступ, вторую он тянул к Никки, умоляя помочь. Но она просто стояла и смотрела, а затем села на корточки и принялась разжимать пальцы мужа. Никки следила за его полетом вниз, слышала удар о скалы, видела распростертое тело. Она убила Дугласа и при этом, что было самым страшным, чувствовала невероятное удовлетворение. Власть. Освобождение.

В полдень миссис Робертс встретила со своей подругой Гретхен Адлер в кафе «Глориус гринс». Они договаривались о позднем завтраке.

– Мне снова снился Дуглас, – выдавила Никки.

– Опять тот сон?

Она кивнула.

– Только в этот раз было еще хуже.

И пока официант расставлял на столе чашки и тарелки, Никки в подробностях рассказала о кошмарном сне.

Она, как обычно, заказала яйца пашот, тост и латте на цельном молоке, тогда как Гретхен ограничилась смузи из свеклы и шпината с каплей сливок и чашкой каких-то зерен в йогуртной заливке. Они с Гретхен дружили давно, еще со школы, и сколько Никки себя помнила, подруга всегда вела войну с лишним весом. Seriously похудеть Гретхен не удалось ни разу, однако диеты позволяли ей хотя бы не переходить из разряда «пышек» в разряд «толстух». Все эти годы Гретхен не складывала оружия и пробовала все новые и новые диеты. Сейчас у подруги был этап сыроедения и веганства.

– Выглядишь усталой, – заметила Гретхен. – Если у тебя проблемы со сном, подумай о том, что ты ешь. Веганская пища легкая, но вкусная. Съеденные на ночь овощи и фрукты сделают сон крепким и здоровым. Вот что ты ела вчера на ужин?

– Бургер, – ляпнула Никки.

– Вот видишь! – Гретхен улыбнулась, радуясь, что ее догадка подтвердилась. – Красное мясо. Прямо подарок для твоих кошмаров.

– Неужто?

– Ага. А уж если с сыром... только не говори, что это был чизбургер! – Гретхен драматично закатила глаза.

Никки расхохоталась и призналась, что это действительно был чизбургер.

– Но едва ли сыр и котлета заставляли меня убивать собственного мужа.

– Тогда что?

– Не знаю. Может, чувство вины?

Гретхен не купилась.

– Надуманное объяснение по старине Фрейду. Откуда взяться чувству вины? Смерть Дугласа – случайность.

– Да знаю я. И что с того?

– Ты была прекрасной женой.

– Прекрасной, любящей и очень наивной женой, – добавила Никки.

Гретхен нахмурилась.

– Да перестань! Ваша любовь была взаимна, вы заботились друг о друге.

А так ли было на самом деле? Никки казалось, что память изменяет ей.

– Тогда, может, это гнев? Возможно, я все еще бешусь из-за того, что он умер и бросил меня? И пытаюсь отомстить за причиненную мне боль, убивая его снова и снова в своих снах?

– Хочешь знать, что я думаю? Я думаю, что проблема всех психотерапевтов в том, что они подавляют в себе эмоции, которые их обуревают. Seriously! Вот ты, Никки, пережила настоящий стресс, но вместо того чтобы предаться скорби, принялась анализировать себя и создавшуюся ситуацию. Ты терзала свой мозг чертовым психоанализом, пытаешься докопаться до истины! Тебе нужно отвлечься.

– Я не могу, – вяло ответила Никки.

– Ну, – Гретхен подалась к ней навстречу, – ты же смогла переключиться с собственных переживаний на убийство любовницы Уильяма Бадена. Разве нет?

– Что?

Гретхен достала из сумочки планшет и открыла электронную версию журнала «Ю-Эс уикли», опубликовавшего статью под броским названием «Предательство Уилла» о недавнем романе Уильяма Бадена и Лизы Флэннаган. Статья сопровождалась фотографиями самого владельца команды «Рэмс», развалившегося в шезлонге на мексиканском пляже, его жены и Лизы Флэннаган трехлетней давности, когда она еще работала моделью.

Никки внимательно смотрела на снимок миссис Баден. Стройная, элегантная, с коротким светлым бобом, она выглядела довольно привлекательно для своих шестидесяти, однако на всех фотографиях на лице Валентины Баден застыло мученическое выражение, которое не скрывали даже большие зеркальные очки.

– Бедняжка, – протянула Никки. – Почему они просто не оставят ее в покое?

Гретхен пожала плечами.

– Репортеры безжалостны и никого не оставляют в покое. И я не согласна: Валентина Баден кто угодно, но только не бедняжка.

– Ты же знаешь, что я не о деньгах говорю.

– Знаю. Но думаю, ты ошибаешься. Мне кажется, Валентина отлично знала об изменах мужа: в конце концов, она не дура, – и его интрижки были в порядке вещей.

– Вот убогодок!

– А если они заключили соглашение о невмешательстве в личную жизнь друг друга? Я слышала, у Валентины тоже рыльце в пушку.

– Да это сплетни. Обычно изменяют мужики, а не женщины! – зло выпалила Никки, чем удивила подругу.

– Я думала, тебя больше интересует, что в прессе пишут об убийстве. Твоя пациентка погибла от руки маньяка, а ты считаешь главным злом Уильяма Бадена, потому что он изменял жене?

– Но ведь Лизе уже не помочь, – смутилась Никки. – А жена Бадена страдает. Представь, каково ей сейчас! Выходя за Уильяма замуж, она вряд ли давала согласие терпеть его измены и при этом сохранять лицо в глазах окружающих.

– Но ведь твоя пациентка была молода и наивна и не заслуживала смерти, ведь правда?

– Да, Лиза была молода, – откликнулась Никки, смягчаясь. – И знаешь, она работала над собой, даже пыталась уйти от Уилла. То, что я сочувствую его жене, не означает, что мне не жаль Лизу. Но она не была невинна, пойми! Лиза думала только о себе и спала с чужим мужем, потому что он был богат!

Гретхен промолчала, но бросила на Никки странный взгляд.

– Допустим, допустим. Может, ты права и Лиза была злодейкой, а Валентина – невинной жертвой измен мужа. Кстати, у миссис Баден благотворительный фонд по розыску пропавших без вести. Она выросла в Мексике, где в один далеко не прекрасный день пропала ее сестра.

– Откуда ты все это знаешь? – изумилась Никки.

– Из Интернета! Девушку так и не нашли. Возможно, продали на органы или в секс-рабство!

– Какой ужас!

– У Валентины нет детей, и все деньги мужа она тратит на благотворительность и на поиски пропавших без вести. Помнишь случай с исчезновением Шарлотты Клэнси лет десять назад?

Никки нахмурилась. Имя казалось смутно знакомым.

– Ей было восемнадцать, и она тоже пропала без вести в Мехико-Сити. Валентина Баден рассказала об этом в прессе и на телевидении, чтобы привлечь внимание общественности.

– Шарлотту нашли?

– Увы, – уныло сказала Гретхен. – Как и сестру Валентины. Я хочу сказать, что Валентина нашла себе занятие по вкусу и едва ли ей есть дело до интрижек мужа, а вот твою пациентку действительно жаль. У нее вся жизнь была впереди.

Никки покачала головой.

– А вдруг ее пристукнул Уилл? – внезапно округлила глаза подруга. – Лиза хотела его бросить, вот он ее и замочил.

Никки рассмеялась.

– Ты снова пересматриваешь «Клан Сопрано»? Что значит «замочил»?

– Я серьезно! – перебила ее Гретхен. – Ну, не своими руками, конечно. Он же богатенький, у него наверняка есть связи в разных сферах, если ты понимаешь, о чем я.

Никки закатила глаза.

– Уилл не убивал Лизу. Между ними давно все шло наперекосяк. Хотя, конечно, решение Лизы разозлило его, как любого властного мужика. – Никки вспомнила последний разговор с покойной – Лиза упоминала, что Уилл угрожал ей расправой.

– Вот видишь! – взмахнула руками Гретхен. – У него был мотив.

Никки покачала головой.

– Мотив и действие – разные вещи. Да, гордость Уилла была задета, ведь не он первым бросил любовницу. Но мне кажется, даже Лиза не считала его опасным.

– Может быть, и зря. И если не Уилл, то кто?

Никки, прищурившись, уставилась на подругу и призналась:

– Понятия не имею. И почему все спрашивают об этом именно меня?

– Но ведь ты была психотерапевтом Лизы. А кому, как не вам, люди поверяют душевные раны.

– Напрасно все думают, что на терапии люди делятся самым сокровенным. Они говорят о том, о чем хотят поговорить. А между тем один коп считает, что я скрываю какие-то важные факты.

Гретхен нахмурилась.

– С чего он так решил?

– Да кто же его знает? Очень неприятный человек, злой, раздражительный и весьма подозрительный. Он меня невзлюбил с первой встречи и сразу занес в список подозреваемых.

– Но это нелепо!

– Нелепо? – Никки вздохнула. – Я была последней, кто видел бедняжку живой.

– Пусть так, но...

– У всех людей есть темная сторона, и копы хорошо об этом знают. Мое подсознание убивает Дугласа с несвойственным мне злорадством. И что любопытно, я получаю от этого удовлетворение. – Никки криво ухмыльнулась.

Гретхен покачала головой. Она все больше и больше переживала за подругу. Нельзя же годами жить, скорбя о прошлом! И кажется, состояние Никки не только не улучшалось, но становилось хуже. А это странное жестокое убийство стало дополнительным стрессом для истерзанной психики.

Чем быстрее полиция найдет виновного, тем лучше.

Глава 12

Хеддон Дефо приехал в больницу в пять часов и поспешил в отделение реанимации, молясь, чтобы не опоздать. Однако к пострадавшему его не пустили, а проводили в отделение семейной терапии. Это означало, что дела плохи. У Хеддона упало сердце. Марша Реймондс, заливаясь слезами, бросилась к нему.

– Он умер, доктор Дефо, четверть часа назад он умер! – простонала она, мотая головой как одержимая. – Я держала моего мальчика за руку, когда его сердце остановилось. Он не сказал ни слова после ухода полиции. Хирург клянет этих копов на чем стоит свет.

Хеддон инстинктивно прижал Маршу к груди и принялся гладить по волосам. Мысли неслись галопом. Всего полтора часа назад она позвонила и, рыдая, сообщила, что Трея похитили и порезали ножом. Марша умоляла Дефо приехать в больницу, и он тут же бросился к машине. Доктор не верил в произошедшее. Как могло случиться, что мальчик, который завязал с наркотиками и так круто изменил свою жизнь, больше не дышит? Он умирал в больнице, а его, Хеддона, не было рядом! Как вышло, что какой-то коп нарушил запрет хирурга и тряс мальчишку, которому едва зашили смертельные раны? Что за нелепая, страшная история?

– Больше пятидесяти ножевых, – причитала Марша, освобождаясь из его объятий и падая в кресло. – Трея изрезали, искромсали! Ему вонзили нож в сердце и бросили умирать. Они думали, что он мертв.

«А что еще они могли подумать?» – промелькнула у Хеддона мысль.

– Кто мог сделать такое, док? Кто мог убить моего мальчика?

– Не знаю, Марша, – тихо ответил Хеддон. – Мне так жаль.

– Мне не нужна жалость! – Глаза женщины загорелись гневом. – Я хочу знать, за что! Я хочу знать кто! Мой Трей никого не обижал, док. Да, он совершал ошибки и едва не загубил свою жизнь, но он никого не обижал! Он был хорошим мальчиком и смог завязать с дурью. У него впереди была целая жизнь! – Она взвыла, как животное, а затем зашлась в рыданиях.

– Полицейские что-то сообщили? – мягко спросил Хеддон.

Марша, хлюпая носом, покачала головой.

– А Никки... доктор Робертс уже в курсе?

Она вновь покачала головой.

– Я успела позвонить только вам. Его тело еще даже не остыло.

В дверях появилась медсестра со шприцом: видимо, хотела сделать укол успокоительного, – однако Хеддон жестом остановил ее.

– Не нужно, сестра. Я друг семьи. – Он повернулся к Марше. – Если хотите, общение с полицией я возьму на себя. И доктору Робертс сообщу.

Миссис Реймондс промокнула глаза скомканным платком.

– Спасибо. Мне нужна помощь. Я должна присматривать за матерью, она осталась дома. Она волнуется и ждет новостей. А потом еще надо организовать... ну, вы понимаете.

– Не переживайте, я все сделаю, – пообещал Хеддон. – Поговорю с полицией, чтобы тело выдали как можно быстрее. А вам надо утешить бабушку Коретту. Мне очень жаль, Марша, мне безумно жаль. Такой хороший парень.

Миссис Реймондс улыбнулась сквозь слезы.

– Вы очень добры, док. Спасибо, что откликнулись.

– Не благодарите. Звоните в любое время, я на связи.

Никки услышала звонок в дверь и закрыла кран. Обернув волосы полотенцем и укутавшись в большой халат Дугласа, выкинуть который не поднималась рука, она заспешила вниз.

– Хеддон! Вот это неожиданность!

Никки отступила назад, впуская старого друга и партнера покойного мужа. После смерти Дугласа Хеддон ни разу не заехал к ней, хотя время от времени звонил узнать, как дела. Почему-то Никки всегда казалось, что Хеддон общается с ней чуть натянуто, с какой-то тщательно скрываемой неловкостью, словно дурные воспоминания мешают приятельским отношениям.

Стоя на пороге ее квартиры, Дефо был необычайно напряжен.

– Привет, Никки. – Он покашлял. – Я войду?

– Конечно.

– Благодарю.

Формальные фразы, произнесенные натянутым тоном, наводили на размышления. Никки закрыла дверь и проводила гостя на кухню, думая о том, что могло случиться.

– Ты какой-то бледный.

– У меня дурные вести, Никки, – сообщил Хеддон с мрачным лицом. – Однако лучше узнать их от меня, а не от копов, которые, разумеется, с тобой свяжутся. Никки... Трей Реймондс мертв.

Она застыла. Затем покачнулась и, схватившись за столешницу, прижалась спиной к шкафчику. Никки казалось, что земля уходит из-под ног.

– Что с ним случилось? – спросила она внезапно охрипшим голосом.

– Ну... – Хеддон отвел взгляд, пробежал глазами по занавеске, по сковородкам в держателях. – Всех деталей я не знаю. Я приехал сразу из больницы, хотя тело не видел. Никки, Трея убили. Ножевые ранения, много ранений. Он умер от удара в сердце.

Никки медленно покачала головой. Это какая-то нелепая ошибка.

– Его, раздетого догола, нашли в одном из переулков в том самом районе, где...

– Замолчи, – прошептала она слабым голосом. Ей было безумно страшно. – Прошу, замолчи. Этого не может быть! Неужели опять...

Хеддон потянулся обнять Никки. Он всегда считал ее невероятной женщиной. Робкая и смелая одновременно, она была очень ранимой, но со стороны казалась натурой сильной и пробивной. Смерть Дугласа сделала Никки по-настоящему несчастной, и Хеддону хотелось подставить ей плечо и утешить. Впрочем, он прекрасно знал, что в действительности его забота этой прекрасной женщине не нужна. Ей был нужен Дуглас. Дуглас, который никогда не признавал, какое сокровище ему досталось.

Но Дугласа больше нет, а он, Хеддон, здесь. Как и Никки – беззащитная, нежная, с влажной после душа шеей и ключицами. Ее глаза были налиты слезами, словно два огромных озера, и от этого Хеддону особенно остро захотелось прижать Никки к груди.

Он дотронулся до ее плеча, но она отпрянула, словно его рука была опасной змеей.

– Что еще тебе известно? – спросила Никки дрожащим, резким голосом. – Рассказывай все!

Хеддон развел руками.

– Больше ничего. Я приехал в больницу, едва Марша мне позвонила. Трей был жив, когда его доставили на «скорой». Его срочно прооперировали, хотя надежд на спасение было мало.

– Но за что? Кому понадобилось убивать такого чудесного мальчишку? Я не понимаю!

– Никто не понимает. Марша Реймондс попросила меня общаться с полицией, ей и без того трудно. Завтра еду в участок. Может, узнаю хоть что-то. Мне очень, очень жаль, Никки.

– Правда? А почему вдруг тебе жаль, а? – По какой-то странной причине боль и гнев Никки обернулись против Хеддона.

Доктор отшатнулся: настолько разительно она переменилась в лице – и какое-то время в изумлении смотрел на нее.

– Я просто хочу сказать... – Он слотнул, часто моргая. – ...что для меня смерть Трея такой же шок, как и для тебя. Я знаю, что Дуглас относился к нему как к сыну. А на тебя свали-

лось столько дурных новостей. Мне кажется, ты нуждаешься в поддержке. Хочешь, позвоним твоим подругам, если с ними тебе будет комфортней?

Никки словно очнулась и выглядела растерянной, будто впервые увидела Хеддона.

– Не переживай, я справлюсь, – произнесла она уже совершенно спокойно. – Извини за резкий тон, казался шок. Со мной все будет нормально. Спасибо, что заехал и рассказал мне плохие новости. Понимаю, что это было непросто.

Никки выдавила улыбку и неловко обняла Хеддона. Они обменялись еще несколькими фразами, и Дефо ушел.

Проводив его, Никки прижалась к двери спиной и замерла. Итак, две жертвы. Лиза Флэннаган, которая ей никогда не нравилась. А теперь еще и Трей Реймондс, которого Никки нежно любила.

Две жизни, оборванные в столь юном возрасте. Два тела, изрезанных ножом.

Бедняга Трей...

Никки ожидала, что после ухода Хеддона горе и боль обрушатся на нее лавиной, но чувства странно притупились. Видимо, к скорби можно привыкнуть и научиться ее отключать, словно ночной торшер перед сном.

Она побрела наверх, в спальню.

Никки опять осталась одна. Наедине со своим горем.

Глава 13

Валентина Баден сделала маленький глоток великолепного эспresso и с комфортом откинулась в удобном кресле. Ей нравилась семейная вилла в Кабо-Сан-Лукасе – прекрасный балкон с белоснежными креслами и шезлонгами, огромная спальная комната с кроватью под балдахином и видом на цветущие сады и теннисный корт под безупречно-синим куполом неба. Вдали виднелась полоса лазурного моря. До покупки «Рэмс» они с Уилли частенько приезжали сюда, однако страсть к футболу, воплотившаяся в этом сумасшедшем приобретении, приковала Уилла к Лос-Анджелесу на золотую цепь, и каждую серию игр он проводил в городе.

Конечно, не только футбол держал мужа в городе ангелов. Нет! Уилла держала и эта нелепая дуреха Лиза, вокруг которой он увивался восемь лет, словно она какая-нибудь Синди Кроуфорд.

Что ж, теперь Лизы нет и больше никогда не будет. Валентина едва заметно ухмыльнулась. Впрочем, последнее время у любовников что-то не ладилось, и Уилл снова принялся искать утешение в объятиях жены.

В Мексику они прилетели месяц назад. Уилл собирался проверить тут какое-то дельце и пригласил Валентину.

– Целое лето в Мехико, дорогая, – увещевал он. – Ты давно хотела провести время вдвоем на нашей вилле.

Валентина согласилась, не медля ни минуты, и теперь наслаждалась отдыхом и безмятежностью. Ее не беспокоили даже папарацци, постоянно пытавшиеся прорваться на частную территорию в поисках жареных фактов. Валентине пришлось смириться с этими назойливыми мухами, неотрывно преследовавшими ее во время поездок в город. А все из-за этой тупой дуры, которая позволила себя убить в какой-то подворотне!

Детали смерти Лизы Валентина вычитала в какой-то газетенке, а затем и в Интернете. О, пресса обожала смаковать гадкие подробности, такие как множественные ножевые ранения и тому подобное. Между собой смерть Лизы Флэннаган Бадены не обсуждали вовсе. На самом деле Валентине было плевать на любовные похождения мужа. Более того, если какая-то сопливая девчонка была готова ублажать ее мужа за пару золотых безделушек и дешевую квартирку на окраине Беверли-Хиллз, Валентина не видела тому никаких препятствий. Наоборот, это избавляло ее от выполнения супружеского долга и позволяло вести тот образ жизни, который ей нравился.

Самым неприятным во всей этой истории с убийством было настойчивое желание полиции вызвать ее и Уилла на допрос в рамках расследования. Валентине очень не хотелось возвращаться в Лос-Анджелес и тем более говорить с полицией о мертвой шлюхе и интрижках Уилла. Уж она-то знала, что полиция не способна помочь тем, кому нужна помощь, что бы ни было написано на их значках и машинах.

Отодвинув кофейную чашку, Валентина взяла со столика бинокль, который ее муж использовал для наблюдения за птицами, и направила на теннисный корт, где Уилл тренировал удар с новым тренером Гильермо. Они составляли нелепую парочку. Высокий атлетичный юный мексиканец – к таким Валентину влекло словно магнитом – показывал правильный замах правой. Мышцы бугрились на его руке и спине, волнистые черные волосы блестели на солнце, движения были неторопливыми, полными кошачьей грации. Лысый пузатый коротышка Уилл отчаянно жестикулировал, тонкие ножки с высохшими икрами были расставлены в стороны, по шее тек пот.

«Какой же он старый и гадкий, – подумала Валентина с тенью отвращения. – Да еще потеет как свинья».

Однако Уилл разительно отличался от большинства своих непривлекательных ровесников, и с этим Валентина поспорить не могла. А заключалась эта разница в том, с какой частотой он пополнял банковскую карту, записанную на имя жены. Также Уилл делал щедрые взносы во все фонды, которыми она руководила, и неважно, куда шли эти средства: на бедных детей Африки, жертв изнасилования или бездомных животных. Он знал, что эта безумная страсть жены защищать слабых и униженных имеет давние корни и связана с похищением Марии, младшей сестры Валентины.

Таким образом Уилл не лез в дела супруги, а она, в свою очередь, не совала нос в его бизнес.

Если бы эта глупая девка Лиза не трепала языком направо и налево о романе с Уиллом Баденом, с ней ничего не случилось бы. Идиотка даже психотерапевта завела, чтобы и ей рассказывать о своей интрижке. Две молодые девки обсуждали роман с мужем Валентины, при этом одна лежала на удобной кушетке и в деталях живописала подробности, а вторая, безупречная доктор Николя Робертс, слушала ее, сидя в кресле и сплетя безупречные пальцы.

Ну что ж, всем приходится кого-то приносить в жертву. У каждого в шкафу прячется хотя бы один скелет, а в столе лежит расписка о сделке с дьяволом. Оставалось надеяться, что события складываются в пользу Валентины и Уилла, и вскоре они смогут триумфально вернуться в Лос-Анджелес, оставив дурные мысли позади.

Уилл Баден раздраженно смотрел на тренера и тяжело дышал.

– Да у меня великолепная подача, – фыркнул он.

– Как скажете, сэр, – послушно откликнулся Гильермо.

«Напыщенный качок», – зло подумал Уилл. Зря он нанял этого юнца. Тренером Гильермо был действительно неплохим, но в его тоне и манерах угадывалась та снисходительность, с которой профи иногда говорят с дилетантами. А для людей с положением это недопустимо. Точно так же вели себя молодые игроки «Рэмса». Точно так же вела себя Лиза. Норовисто и дерзко.

«Чертова самовлюбленная сучка!» Она что, в самом деле думала, что сможет вот так просто уйти от Уилла, когда устанет с ним спать? Эта дура считала его своей игрушкой! И куда это ее привело? Разве не она теперь лежала в морге, изрезанная и холодная? А он, богатый влиятельный человек, вынужден скрываться в Мехико-Сити от папарации, словно в чем-то виновен!

– Уилл! – Из-за боковой линии корта ему махал Глен Фоман, адвокат. – Сделаешь паузу? Есть разговор!

Баден, молча отдав ракетку Гильермо, и зашагал к адвокату.

– Какого черта? – рявкнул он, сворачивая крышку с бутылки воды и делая пару больших жадных глотков.

– Я дописал твоё заявление для прессы, – ответил адвокат, удивленный таким приемом. – Ты должен взглянуть и сказать своё мнение. А затем тебе надо полететь в Лос-Анджелес и пообщаться с полицией. Лучше прямо завтра.

Уилл медленно качнул головой.

– Ты просто зачитаешь заявление, – настойчиво произнес Глен. – Пусть журналисты сделают пару фотографий. На вопросы от твоего лица я отвечу сам...

– Мы не можем вернуться завтра, – оборвал его Уилл.

Оба скользнули взглядом по балкону, на котором жена Уилла, сидя в кресле, читала газету, невозмутимая, словно леди Макбет.

«Он ее боится, – догадался Глен. – Даже страх оказаться за решеткой в связи с обвинением в убийстве любовницы пугал его не так сильно, как собственная жена».

– Миссис Баден может не ехать, – предложил адвокат. – Только ты и я, этого достаточно. Мы можем управиться за сутки и вернуться.

– Нет. Копы хотели видеть и ее тоже.

– Seriously? – Глен нахмурился. – Уилл, почему ты мне не сказал? Ведь я твой адвокат. О чем они хотят говорить с Валентиной?

– Да почему мне знать? – рявкнул Уилл. – И дело не только в моей жене! У меня сделка на носу. Это бизнес, и я работаю с людьми, которые не любят ждать.

– Однако им придется с этим смириться. Ты должен появиться в участке, Уилл, или у тебя будут неприятности. Ты отсиживаешься в Мехико, и со стороны это выглядит как бегство.

Уилл мрачно посмотрел на адвоката.

– Я хочу, чтобы все это поскорее закончилось.

– Это зависит только от тебя.

– Не все так просто. – Баден потер виски. – Как я уже говорил, у меня здесь бизнес. И речь идет о людях, которым лучше не перечить.

– Не хочу знать деталей, – резко заявил Глен. – Но время дорого, Уилл. Твою любовницу убили, а полиции нужен убийца. Как бы копам не пришла дурацкая мысль, что ты можешь быть причастен! Тогда забудь о бизнесе с кем бы то ни было.

Уилл снова устремил взгляд на балкон и был похож на загнанную крысу. Это не укрылось от внимания адвоката. Неужели Уилл так боится жены? Или здесь что-то другое? Если бы Уилл Баден был чуть более приятным человеком, Глену стало бы его жаль.

– Газетчики писали про психотерапевта Лизы, доктора Робертс. Как думаешь, может...

– У меня все под контролем, Уилл, – оборвал его Глен. – Однако следует поспешить. Поверь, тебе надо сделать заявление для полиции. Возвращайся в Лос-Анджелес, можно с женой, если копам она так нужна. Зачитай текст, который я приготовил. Ни слова больше, ни слова меньше. Пусть копы видят, что ты готов сотрудничать и помогаешь следствию.

Пребывая в нерешительности, Уилл непроизвольно вновь посмотрел на балкон, но Валентины там уже не было.

– Хочешь, я поговорю с ней? – предложил Глен.

– Нет, – сразу же ответил Уилл. – Я сам. Но в пятницу мне надо быть здесь, чего бы это ни стоило. Эта сделка в Мехико куда важнее, чем ты можешь вообразить.

– В пятницу, – кивнул адвокат. – Даю слово. А теперь собирай вещи.

Глава 14

– Скажите, миссис Робертс, сколько вы не работали после смерти мужа? – В голосе копа звучало пренебрежение, глаза-буравчики сверлили Никки.

Сидя в комнате для допросов, она смотрела детективу прямо в лицо, однако ногти из всех сил впивались в ладони.

Она не должна поддаваться на провокации этого человека. Если у нее сдадут нервы, он выиграет. Ведь коп лишь того и ждет, чтобы Никки потеряла самообладание.

– Детектив Джонсон, – произнесла она самым мягким тоном, на какой была способна, – называйте меня «доктор Робертс», пожалуйста. Кажется, я уже трижды просила вас об этом. У вас проблемы с памятью? Я могу посоветовать отличного врача.

Лицо Джонсона пошло пунцовыми пятнами, а его напарник отвернулся, пытаясь подавить смех.

Гудман заметил, что Джонсону куда сложнее давалось держать себя в руках, чем женщине напротив.

– Леди, поверьте, у меня все в порядке с памятью, но называть доктором человека вашего рода занятий у меня не поворачивается язык. Мы оба знаем, что никакой вы не врач.

Гудман прикрыл глаза. Мик выглядел словно огромная пережаренная свиная сарделька, румяная и готовая вот-вот лопнуть. Джонсон ко всем женщинам относился презрительно, но доктор Робертс выводила его из себя. Причины такого поведения заставляли Лу теряться в загадках. Никки Робертс выглядела достойно и весьма привлекательно. Кожа, тронутая загаром, казалась свежей и гладкой, красивая ложбинка в вырезе блузки манила и навевала мысли об упругом теле. Прохладная, немного отстраненная манера держаться не отталкивала, а, наоборот, притягивала. По крайней мере, Лу Гудмана.

– Отвечайте на поставленный вопрос, леди! Сколько вы были без работы? – прорычал Джонсон.

– Примерно шесть недель.

– Довольно долго.

– Вы так считаете? – поинтересовалась Никки.

– Считаю. Хотя о чем это я? – Коп презрительно скривился, словно хотел сплюнуть. – Ведь таким, как мы, надо зарабатывать на жизнь. Но не вам, леди. Для вас работа – развлечение, не так ли, доктор Робертс? После смерти мужа вы получили приличные деньги и стали весьма небедной женщиной.

У Никки внутри все замерло. Куда вел этот неприятный тип?

– Замечу, детектив, что я и до смерти мужа была весьма небедной женщиной. Так что его уход из жизни не изменил моего финансового положения.

– Хм, – протянул коп, ничуть не обескураженный. – А когда к вам на работу поступил Трейвон Реймондс?

Никки тяжело вздохнула. Она все еще не могла поверить, что Трей мертв. И ей совсем не хотелось обсуждать мальчика с этим мерзким типом.

– Точную дату не скажу.

– Но ведь это произошло после смерти вашего супруга, так?

– Да, вскоре после этого. – Никки в упор посмотрела на Гудмана. – Как расспросы вашего коллеги связаны с убийствами? Может, вы потратите время с пользой и будете искать виновного?

– Именно этим мы и занимаемся: ищем виновного, – ответил Джонсон. – Полиция склонна считать, что убийства совершил один и тот же человек. Поэтому нам надо найти связь между двумя жертвами. И угадайте, что общего между Лизой Флэннаган и Трейвоном Рей-

мондсом, доктор Робертс? – Он подался вперед и указал на Никки пальцем. – Они общались с вами.

– Что? Вы считаете, что я убила Лизу и Трея? – Никки изумленно смотрела на толстого детектива, не веря своим ушам.

Тот уже открыл пухлый рот, чтобы ответить, однако напарник торопливо перебил его.

– Разумеется, нет, – качнул головой Лу Гудман. – Но вы должны понимать, что иной зацепки у нас нет. Есть версия, согласно которой убийца хочет ранить лично вас. Обиженный пациент, например. Быть может, он регулярно ходит к вам на прием. Или ходил прежде. Быть может, это месть.

Никки задумалась. Версия была не лишена здравого смысла, однако никто не приходил ей на ум. Бывали случаи, когда на психотерапевтов нападали пациенты или доктора отказывались принимать отдельных клиентов ввиду их крайней неуравновешенности. Но в своей работе Никки с подобным никогда не сталкивалась. Лишь однажды возникла неприятная ситуация с юным пациентом, который проникся к ней чувствами, что привело к неловкому разговору... но чтобы нападать на людей, убивать? Нет!

– Нам нужны ваши врачебные записи, – мягко сказал Гудман. – Обо всех пациентах, нынешних и бывших.

– Понимаю, – сдавленно ответила Никки.

– Всех, вы поняли? Никаких врачебных тайн и прочего! – подхватил разговор агрессивно настроенный Джонсон, но Гудман, предостерегающе посмотрев на напарника, перебил его:

– Мы можем предъявить ордер. Однако сотрудничество в ваших интересах. Мы все хотим наказать преступника. Подумайте хорошенько, может ли кто-то желать вам зла? Как психотерапевт, вы должны понимать, что обида и злость способны принимать ужасные формы.

– Нет. – Никки потерла глаза, словно человек, пытающийся стряхнуть с себя остатки ночного кошмара. – В самом деле, ни единой догадки. Какие у меня могут быть враги?

– Брошенные любовники? – предположил Гудман.

Никки покачала головой.

– Я никого не бросала. В моей жизни был только муж.

– Партнеры по бизнесу?

– Да нет же! – Она нахмурилась. – Детектив, это какой же должна быть обида, чтобы пытаться человека, кромсать на кусочки охотничьим ножом и получать наслаждение? О каком бизнес-партнере может идти речь? Так ведут себя только психопаты.

– А кто сказал, что это был охотничий нож? – внезапно подскочил толстяк.

– Не знаю, – удивилась Никки. – Возможно, вы. А может, слышала в в «Новостях».

Джонсон многозначительно посмотрел на Гудмана.

Тот пожал плечами и продолжил расспросы, касающиеся в основном Трея. Никки честно рассказала, что парень лечился от наркомании в клинике у Дугласа, поведала, как тяжело вытаскивали его из зависимости Дуглас и Хеддон и каким благодарным оказался пациент. Трей был их общей гордостью, примером жизнелюбия и стойкости.

– Дуглас считал его выздоровление своей личной победой. – Слезы потекли по лицу Никки. Впервые с того момента, как она услышала от Хеддона страшные новости. – У нас не могло быть детей, поэтому мы приняли Трея как сына.

Голубые глаза Гудмана располагали к откровенному рассказу. Казалось, Никки и вовсе забыла о присутствии толстого копа.

– Когда Дуглас погиб, я хотела позаботиться о мальчике, поддержать его и предложила ему работу. Трей оказался весьма смышленным, помогал мне разбирать бумаги. Он был очень хорошим...

– Что ж, доктор Робертс, – тихо сказал Гудман, – благодарим вас за ответы, вы очень помогли следствию.

– Не покидайте город, – фыркнул Джонсон.

Никки встала и накинула плащ, не удостоив толстяка взглядом.

– Еще один вопрос, – как бы невзначай бросил ей вслед Гудман. – Вам не приходилось лечить пациента по имени Брендон Гролш?

– Нет. – Лицо Никки было бесстрастно: ни тени узнавания. – Не приходилось.

– Благодарю вас, – произнес Гудман, скрыв разочарование.

Если бы между Никки Робертс и Бренденом Гролшем обнаружилась связь, это стало бы для следствия большой удачей, особенно принимая во внимание частицы кожи, найденные под ногтями первой жертвы и на теле второй. Правда, это, возможно, опровергало бы предположение о смерти сына «мусорного короля». Существовала и более сложная версия: убийца использовал частицы плоти Брендона Гролша, чтобы запутать следствие или дать подсказку. Осложнял дело и тот факт, что частицы кожи медэксперт описала как «мертвые» клетки.

– Звоните в любое время, если что-то вспомните, – сказал Гудман.

Никки коротко попрощалась и вышла из здания полицейского участка. Она уже шагала по парковке, когда услышала сзади тяжелый топот и одышку толстого детектива.

– Стойте! – рявкнул он, едва дыша.

Никки медленно обернулась. Нехорошее предчувствие сдавило грудь.

– Да?

– Плащ, – просипел Джонсон. – Это тот самый? Тот, что вы одолжили Лизе Флэннаган?

Никки удивленно выгнула бровь.

– Бежевый, непромокаемый, ниже колен, ремень с пряжкой... так вы написали в заявлении, дамочка.

Никки оглядела себя, словно видела плащ впервые, и кивнула. Очевидно, толстяк решил, что поймал ее на вранье.

– У меня таких два, мистер Джонсон, – ледяным тоном сказала она. – Один я держу на работе, второй дома.

– «У меня таких два, мистер Джонсон»! – шипел толстяк. – Надменная гадина.

Даже третья порция текилы не примирила детектива с тем фактом, что стерва посмела дергаться с ним столь холодно и презрительно.

Они с Гудманом сидели в баре «У Рико», любимом заведении полицейских из отдела по расследованию убийств. Рико Эрнандес, владелец бара, прежде и сам служил в полиции и принимать бывших коллег у себя почитал за честь. Он не запрещал играть в карты и засиживаться до глубокой ночи. В этот раз Джонсон и Гудман играли за одним столом с Хэммондом и Рэем, а также Лаурелем и Харди, заядлыми картежниками. Чуть позже к ним присоединились Санчес и Бэйн. Анна Бэйн единственная во всем отделе носила юбку, но даже Джонсон едва ли назвал бы ее женщиной.

– Говорю тебе, Лу, – бурчал Джонсон, – эта невинная овечка вовсе не так невинна. Она по уши в дерьме.

Гудман с шумом выдохнул.

– Оставь ее в покое.

– Думаешь, если у нее сиськи в норме да ноги длинные, значит, рыльце не в пушку?

– Лу, а если Мик прав? – вмешался Бобби Хэммонд.

– В чем именно? – уточнил Гудман.

Бобби пожал плечами и спросил:

– Не многовато ли вокруг нее трупов, а?

– Ага, – подхватил Дэйви Рэй. – Считая покойного мужа, уже трое!

– Ох, не начинайте! – рявкнул Гудман. – Муж Никки Робертс погиб в аварии, а не был изрезан ножом. Вы болтаете не как полицейские, а как кумушки из соседнего двора. Или у вас любимое дело – видеть во всем заговор?

Два жутких убийства всколыхнули город, но не жестокость маньяка вызывала кривотолки в полицейском участке. Копы видали преступления и пострашнее. Анализ ДНК, выявивший «мертвые» клетки кожи, найденные на телах обеих жертв, – вот что было у всех на устах. Поговаривали даже об убийце-зомби. Искать преступника, убившего Лизу Флэннаган и Трея Реймондса, было куда интереснее, чем расследовать разборки в подворотнях, нападения на старушек и бытовые драки. Нет, определенно убийца-зомби был самым интересным делом в участке. Роскошная любовница богатого бизнесмена, бывший наркоман – вот уж странная черда убийств.

– Извините, что мешаю разыграть вашу фантазию, но осмелюсь возразить. – Гудман обвел игроков взглядом. – Первое. У Никки Робертс не было мотива убивать пациентку и офис-менеджера. Второе. Рост доктора метр шестьдесят. Рост Трейвона Реймондса – сто восемьдесят пять, вес – девяносто три кило, гора мышц. И вы хотите сказать, что миссис Робертс смогла его похитить, свалить с ног и изрезать до смерти? Да вы идиоты!

– А если ей помогали? – предположил Джонсон. – Или она кого-то наняла?

– Чтобы убить чернокожего парня? – Гудман хохотнул. – Ага, конечно! А сейчас в бар войдет Анджелина Джоли и пригласит Мика на свидание.

При этих словах Анна Бэйн фыркнула в кружку с пивом, и на стол полетела пена.

Полицейские расхохотались.

– Лу прав, – сказала Анна. – У вас ничего нет на Никки Робертс.

Джонсон резко встал и рявкнул:

– Пока нет. Но будет. У нее нет алиби, и я чувствую, что она лжет. Можете ржать сколько влезет, но эта баба что-то скрывает.

И он быстрым шагом покинул бар.

– Скажите, какой ранимый, – пробормотала Анна и повернулась к Гудману. – Что с ним такое?

– А я надеялся, что ответ есть у вас. Уж вы-то знаете Мика подольше моего. Он на дух не переносит эту женщину, но я не вижу объективных причин.

– У меня есть предположение, – задумчиво сказал Санчес.

Педро Санчес был не из тех, кто много болтает, поэтому все сразу устали на него.

– Раньше мы приглашали эту Робертс в качестве эксперта, если нам требовался вердикт психолога.

– Она давала заключения? – уточнил Гудман.

– Да. Чаще всего речь шла о наркоманах. Миссис Робертс и ее покойный муж неплохо разбирались в предмете. У них в клинике лечились не только богатенькие тунеядцы, но и парни из бедных кварталов. В общем, этикие либеральные богатеи, любители благотворительности.

Вспомнив, что раньше Джонсон работал в отделе по борьбе с наркотиками, Гудман задумался.

– Никки Робертс была экспертом в одном из расследований Мика?

– Вот этого не знаю. Спроси его сам. Но точно могу сказать, что силовой подход дамочка не приемлет. Полагаю, это с самого начала развело их по разные стороны баррикад. Ты же знаешь, какими методами Мик предпочитает выбивать информацию.

Не сказав ни слова, Гудман бросил на стол двадцатку и ушел.

Он нагнал напарника на темной стоянке за баром.

– Мик!

Джонсон обернулся. Судя по открытому в телефоне приложению, он ждал такси.

– Чего тебе? – раздраженно спросил Мик.

– Допустим, доктор Робертс в чем-то замешана.
– Она замешана, – буркнул толстяк. – Я уверен.
– Но ты допускаешь мысль, что можешь ошибаться? Вдруг ты не прав? Что, если доктор Робертс – жертва?

Джонсон закатил глаза.

– Не начинай!

– Лиза Флэннаган была одета в ее плащ, так?

– Если Робертс не врет. У нас есть лишь ее слово. А это не чек из магазина и не показания свидетелей.

– Подумай, зачем ей врать?

Джонсон насупился, сунув руки в карманы. Такси все не ехало.

– Темная аллея, дождь, – продолжил Гудман. – Лиза Флэннаган выходит после сеанса, на ней плащ доктора Робертс. Они одного роста, даже прически похожи. Если убийца подошел сзади...

– Ладно, ладно, твоя версия мне ясна. С черным парнем ее тоже перепутали?

– О парне потом. Моя версия имеет право на существование?

– Имеет, – неохотно ответил Джонсон. – Так что с черным? Едва ли его можно перепутать с женщиной. Да и райончик совсем не тот.

– А если Реймондса убили лишь затем, чтобы помучить доктора? Она относилась к нему как к сыну. Миссис Робертс работала с бывшими наркоманами и даже выступала экспертом в делах о наркотиках, верно? У них с мужем могли быть враги.

Глаза Джонсона сузились. Он всем телом повернулся к Гудману.

– Кто тебе сказал?

– Я же детектив, – хмыкнул Лу, не собираясь сдавать Санчеса. – А что, если один из тех, кто сел после освидетельствования доктора Робертс, хотел ее убить, но перепутал с Лизой Флэннаган? И допустим, Реймондс каким-то образом узнал убийцу, ведь он вращался в среде наркоманов, и за это поплатился жизнью.

Джонсон сплюнул.

– Чернокожий узнал убийцу, ха! Он тоже был детективом?

– Но ведь эта версия имеет право на существование, так?

Мик покачался на пятках, размышляя. Никки Робертс в роли жертвы совсем ему не нравилась. Но на то он и детектив, чтобы не отвергать разумные версии.

Однако Джонсон упрямо молчал.

– Да брось, Мик, не упирайся.

– Ладно, пусть так. Но мы рассматриваем все версии.

– И это значит...

– И это значит, что мы не можем быть уверены в невинности этой бабы. Равно как и в виновности, – буркнул Мик. – Но ведь все могло быть иначе.

– Как именно?

– Робертс тайно ненавидела Лизу Флэннаган.

– За что же?

– Ну она же вся из себя моралистка. А пациентка – охотница за деньгами, разрушительница семьи. Может, Робертс не одобряла ее поведение.

– И поэтому жестоко убила? Версия так себе.

– Правда? Вспомни, Лиза Флэннаган почти разрушила семью Баден, да еще сделала от старого хрыча аборт. А у Робертс не может быть детей, – рассуждал Джонсон. – У некоторых баб на этой почве срывает крышу.

– А я гляжу, ты великий знаток женщин.

– О, тут и знать нечего. Представь, как ее бесило слушать рассказы этой богатой сучки, которая убила невинного младенца.

– Ладно, ладно, – примирительно сказал Гудман, чувствуя, что напарник снова распаляется. – Давай разрабатывать обе версии. Предлагаю завтра начать опрашивать пациентов. Делим медицинские карты пополам – и вперед.

– Идет.

Наконец из-за угла мелькнули фары «тойоты». Джонсон грузно рухнул на заднее сиденье. Гудман подождал, пока он устроится, и сунул голову в салон. Надо было ковать железо, пока горячо.

– Последний момент, Мик. Между тобой и Робертс что-то произошло? Поэтому тебе трудно быть объективным?

Джонсон гадко ухмыльнулся. Вопрос его позабавил.

– Угадай.

– Я серьезно. Есть что-то, что я должен знать? – настаивал Гудман.

Напарник запрокинул голову на подголовник и прикрыл глаза, пьяно улыбаясь.

– Спокойной ночи, Лу, – сказал он, нащупал кнопку поднятия стекла и закрыл окно.

Из полицейского участка Никки ехала длинным путем и максимально медленно. Домой возвращаться не хотелось, но куда еще податься, она не представляла. Выехав на шоссе 10, она покатила вдоль побережья, даже не глядя на море. В голове крутились разные воспоминания, связанные с Дугласом и Треем.

«Эй, Никки, смотри, кто со мной приехал. Это Трейвон. Он очень способный. Я верю, что он с легкостью дойдет до третьей ступени».

Трей дошел до третьей ступени, а затем и вовсе смог избавиться от зависимости. Его появление наполнило жизнь супругов особым смыслом. Они боролись за него вместе. Этот парнишка связал их воедино и сделал настоящей командой.

Никки вспоминала, как они с Дугласом приехали на выпускной Трея – тот закончил среднюю школу. Дуглас улыбался, а она чувствовала себя по-настоящему счастливой и была горда успехами мужа: его чутье и вера в Трея подарили парнишке новую жизнь.

Но все это осталось в прошлом. Трей больше никогда звонко не рассмеется, сверкая белыми зубами. Он мертв.

Как и Лиза.

Гибель Дугласа стала для Никки настоящим шоком. Сердце невыносимо ныло изо дня в день, словно кто-то тянул из него невидимые ниточки, распуская, как клубочек. Порой ей казалось, что она не переживет свое горе. Но Никки выжила и даже научилась жить с этим горем.

И вот новая беда.

Никки знала, что должна позвонить матери Трея, но не могла собраться с силами.

Подъехав к дому, Никки заперла машину и подошла ко входной двери.

Дверь была распахнута. Ноги Никки словно вросли в землю.

Сегодня понедельник. По понедельникам приходила домработница Рита, но время было поздним. Быть может, она забыла закрыть за собой дверь? Однако прежде Рита никогда не проявляла подобной рассеянности, а ведь она работала у Никки уже шесть лет.

Неужели дверь взломали?

Сердце тяжело ухнуло вниз.

А если вор еще внутри?

Самым разумным было сесть в машину, отъехать от дома и вызвать полицию. Однако гнев заглушил голос разума.

Это же ее дом! Ее прибежище! Никки отказывалась поддаваться страху.

Переступив порог, нащупала выключатель и зажгла свет.

– Кто здесь? – крикнула она и принялась ходить из комнаты в комнату, громко топая, двигая предметы, включая везде освещение, словно надеялась отпугнуть этим воров. – Немедленно убирайтесь, кем бы вы ни были!

Минут через пять стало ясно, что в доме никого нет, все вещи лежали на своих местах. Дом выглядел безупречно прибранным.

Должно быть, все же Рита забыла закрыть дверь.

Вздохнув, Никки прошла в гостиную, налила себе виски и с чувством гордости, что не поддалась страхам, отправилась в спальню.

Лишь устроившись среди одеял и подушек, она заметила пропажу.

Свадебная фотографии в серебряной рамке, на которой ее обнимал счастливый Дуглас и которую она хранила вопреки всей боли, исчезла.

Глава 15

Лана

Лана Грей тряхнула волосами и, презрительно дернув плечом, искоса посмотрела на Антона Уайлдерса.

– Потому что я так сказала, Рокко.

Она чуть наклонилась к режиссеру, отчего ее полные груди едва не выскочили из декольте платья от Виктории Бэкхем.

– Да. Потому что. Я. Так. Сказала.

– Стоп, спасибо, – раздался нудный голос на заднем плане.

На нудный голос Лане было плевать. Точно так же как и на толпу старлетов, которые мечтали быть замеченными великим режиссером.

Лана знала, что он едва ли запомнит их лица.

«Потому что он запомнит мое лицо! Я лучше всех. Антон Уайлдерс сделает меня звездой, потому что я этого достойна!»

Ах, сколько потребовалось усилий, лжи и изворотливости, чтобы попасть на это прослушивание. Агент Ланы Джейн перетрясла все старые и новые связи, чтобы прорваться через толпу сторожевых псов, окружавших Уайлдерса.

– Лана Грей слишком стара для Селесты, – заявил Чарли Майерс, один из помощников режиссера. – В запросе четко обозначен возраст – от двадцати двух до тридцати двух. А сколько твоей Лане? Сороковник?

– Отнюдь! И выглядит она на двадцать пять, – настаивала Джейн, у которой была железная хватка. – Лана рождена для этой роли. Позволь мне обсудить это с Антоном.

– Исключено.

– Но я не оставлю тебя в покое.

– Напрасно. Джейн, Лана слишком стара.

«Пошел ты, Чарли! – думала теперь Лана, обольстительно улыбаясь режиссеру, который тепло улыбался в ответ. – Антон хочет меня. Он даст мне роль!»

– Лана, дорогая, браво!

Антон приблизился и запечатлел на ее щеке поцелуй, при этом игриво ухватив Лану за задницу. Все малолетки за сценой позеленели от зависти. Пусть проваливаются, бездарности!

– Тебе понравилось?

– Какая игра! Ты великолепна.

– Благодарю.

Великолепна. Лана знала, что это так.

Послав Антону игривый взгляд из-под ресниц, она чуть отстранилась, и рука режиссера соскользнула с ее задницы.

– Я знала, что это моя роль. Едва прочитав сценарий, я сказала Джейн, что создана играть Селесту.

– Истинная правда. И я бы с радостью пригласил тебя. Видит бог, ты удивительным образом вживаешься в образ. – Антон плотоядно оглядел декольте Ланы. – Но увы, я связан контрактом. Студия хочет пригласить Гарри Ривза на роль Люка. Я узнал об этом только утром.

– Гарри Ривза? – Гарри недавно исполнилось девятнадцать. Звезда фильмов Диснея, розовощекий младенец с пушком на щеках! – Гарри Ривза?

– Я сам в шоке.

Лана чувствовала, как цепенеет тело, как застывает на лице улыбка.

– Это окончательное решение?

– Печальная новость, да? – Ладонь Уайлдерса принялась путешествовать вниз по ее спине. – Однако ты все равно богиня и невероятно талантлива. Но пойми, Гарри Ривзу ты не пара.

Краем глаза Лана заметила, как по толпе старлеток пробежал смешок.

– Но я могу предложить тебе другую роль, детка, – зашептал Уайлдерс ей на ухо. – Как насчет отсосать мой крепкий член, а? У меня номер в отеле.

Лана вежливо чмокнула его в щеку и сразу отстранилась.

– Ты слишком добр, Антон, – лучезарно улыбнулась она, чтобы малолетние сучки не заподозрили, что с ней говорили как со шлюхой. – Но как-нибудь в другой раз.

– Гляди не пожалей, – процедил режиссер ей вслед.

Лана шла прочь с прямой спиной. Новенькие лабутены, которые еще предстояло вернуть в бутик, звонко цокали по паркету.

– Следующая, – раздался нудный голос сзади.

Лана чувствовала себя жалкой, при этом внутри клокотал гнев.

«Да пошли вы к черту! Гори в огне, похотливый скот!»

Лу Гудман, сидя в неприметной машине, припаркованной недалеко от театра, наблюдал за Ланой Грей, которая выбежала из подъезда с перекошенным лицом, уселась на газон и сняла дорогие босоножки. Казалось, она вот-вот заплачет. Никто не обращал на нее внимания: в час пик пешеходы редко смотрят по сторонам.

Гудман открыл личное дело Ланы, лежавшее на пассажирском сиденье. Никки Робертс делала записи от руки, хотя в современном мире люди почти разучились писать ручкой. У нее был красивый бисерный почерк.

В каждом деле сверху лежала биография и краткое досье на пациента. Далее шли заметки, сделанные во время приемов. Гудману нравилась такая аккуратность.

Он принялся за чтение.

«Лана Грей, сорок пять лет, в разводе. Актриса. Причина первого визита – панические атаки и общая нервозность. Страх старости и потери работы, внутренняя неуверенность». Далее карандашом написан вопрос: «Финансовая нестабильность?» Чуть позднее эту запись подчеркнули маркером. «В разводе с 2005 года. Отношения, построенные на зависимости, разрыв в 2011 году. С 2009 года нет стабильной работы». И чуть ниже: «Сексуальная зависимость, вспыльчивость».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.